
КОНТРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

Организация и задачи контрразведывательных органов

Организация и задачи контрразведывательных подразделений органов государственной безопасности определялись советским руководством на основе анализа угроз внешней и внутренней безопасности государству.

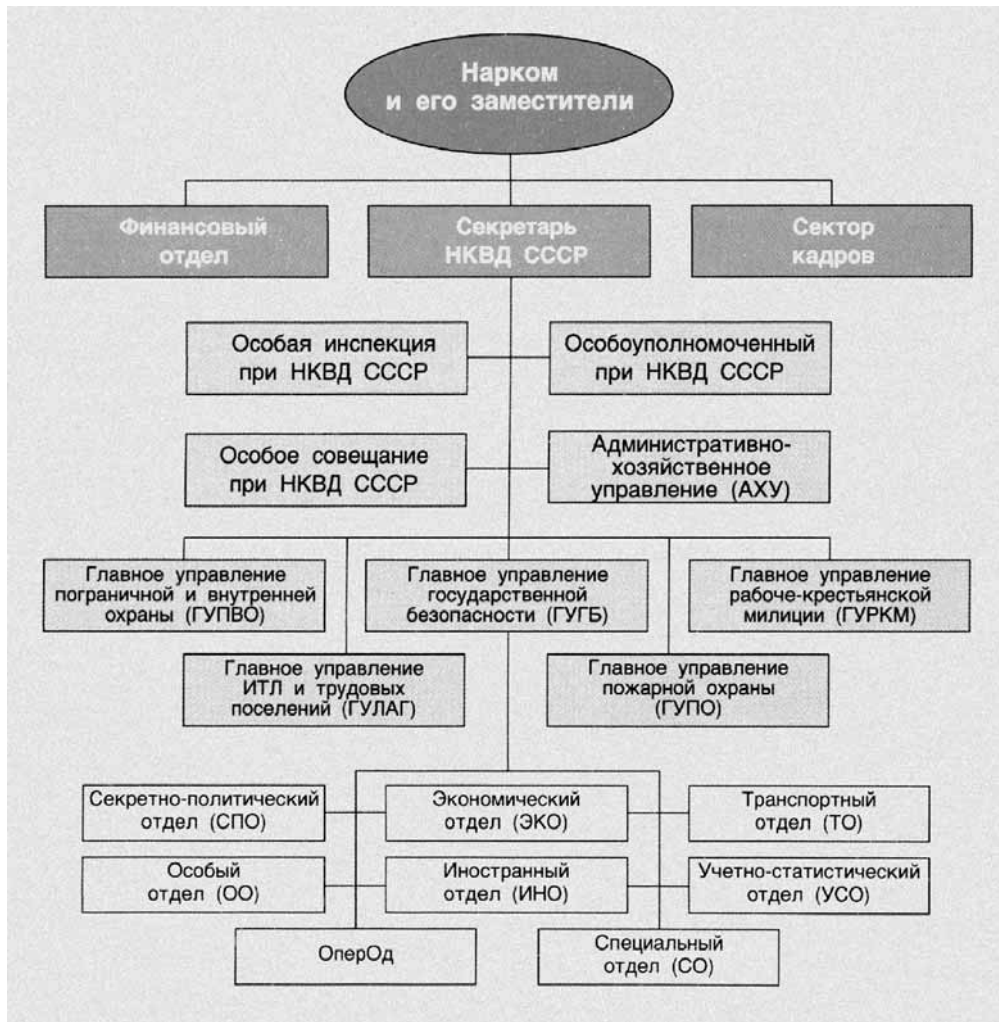
Нацистская Германия и Япония, взявшие курс на захват территории других государств, вели подготовку к новой мировой войне и являлись реальными противниками СССР. Объективно представительства этих государств находились в центре интересов контрразведчиков. Активно разрабатывались посольство и консульства Польши, поскольку советское руководство получало сведения от внешней разведки о секретном военном соглашении между германским и польским руководством, направленном против СССР. Количество арестованных по обвинению в шпионской деятельности в пользу Польши было наибольшим до распада Польского государства в сентябре 1939 г. вследствие германской агрессии.

Разведывательная деятельность спецслужб некоторых приграничных государств была продиктована ростом военной мощи СССР, который вызывал определенную тревогу у стран, входивших ранее в состав Российской империи и опасавшихся своего могучего соседа. Поэтому для Финляндии, Польши, Латвии, Литвы, Эстонии сбор информации о военном потенциале СССР представлял собой составную часть проблемы укрепления их суверенитета и территориальной целостности, что, однако, не исключало передачу ими разведанных спецслужбам ведущих европейских государств.

В области внутренней политики в СССР в 1930-е гг. произошел определенный поворот. После завершения коллективизации на январском (1933) пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) И. В. Сталин, упоминая так называемые враждебные классы, отмечал, что они «слишком слабы и немощны для того, чтобы противостоять мероприятиям советской власти»¹.

Определенное смягчение курса карательной политики Советского государства произошло после XVII съезда ВКП(б) в 1934 г., вошедшем в историю в качестве «съезда победителей». Выводы съезда о том, что классовый враг разбит и социализм в СССР победил, повлияли на деятельность органов государственной безопасности, в том числе и контрразведывательных подразделений. Главное заключалось в установке, что с победой социализма классовый враг ушел в глубокое подполье и необходимо гибко перестроить работу органов контрразведки и НКВД применительно к новой тактике враждебных элементов.

Несмотря на то что в докладе И. В. Сталина на съезде речь шла о создании бесклассового социалистического общества, путь к такому обществу был обозначен через «усиление

Структура НКВД на 10 июля 1934 г.

органов диктатуры пролетариата, путем развертывания классовой борьбы, путем уничтожения классов, путем ликвидации остатков капиталистических классов в боях с врагами как внутренними, так и внешними»². В дальнейшем в партийных документах эти теоретические выводы были развиты.

В июле 1934 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) об охране важнейших предприятий военной промышленности. В нем говорилось, что на заводы проникают в качестве рабочих и служащих шпионы и агенты враждебных капиталистических стран для того, чтобы вести вредительскую работу и взорвать их в случае войны. В соответствии с этими установками и действовали органы государственной безопасности.

В 1937 г. на февральско-мартовском и июньском пленумах ЦК ВКП(б) был принят еще более жесткий курс. С докладом о необходимости фактически «генеральной чистки» советского общества выступил нарком внутренних дел Н. И. Ежов. Он нарисовал картину всевозможных «шпионско-троцкистско-вредительских» организаций, деятельность которых якобы охватила все сферы жизни общества.

2 июня 1937 г. на расширенном заседании Военного совета при наркомате обороны И. В. Сталин в своем выступлении обозначил начало кампании в масштабе государства по поиску шпионов и диверсантов. Он заявил о существующем в стране «военно-политическом заговоре», одним из ответвлений которого стал сфабрикованный «военно-фашистский» заговор во главе с маршалом М. Н. Тухачевским, что привело к дальнейшему расширению репрессий среди командного состава РККА и негативно сказалось на боеготовности вооруженных сил.

Органы госбезопасности начали активно разрабатывать и арестовывать командные кадры Вооруженных сил СССР. В дальнейшем сотрудниками военной контрразведки были сфальсифицированы различные заговоры в РККА: «военно-политический» — против политработников Красной армии и «военно-монархический» — против бывших офицеров царской армии. В органах НКВД были сфабрикованы «военно-эсеровский», «латышский военно-фашистский» и другие «контрреволюционные» организации. Репрессии обрушились на все слои советского общества.

Таким образом, обострение внешнеполитического положения СССР во второй половине 1930-х гг., негативные последствия форсированной индустриализации и коллективизации повлияли на развитие субъективных взглядов высшего руководства страны, сводившихся к тезису о нарастании классовой борьбы по мере построения социалистического общества. Трезвый взгляд на объективные трудности, неизбежные при создании мощного промышленного потенциала, подменялся установками о сознательном вредительстве, шпионской деятельности со стороны так называемых «бывших» людей, специалистов в различных отраслях народного хозяйства. Путем репрессий велась борьба с бывшими членами небольшевистских партий, внутривластной оппозиции, критиков внутривластного курса государства. Все это привело к политике массовых репрессий в стране в период 1937–1938 гг.

Определенная стабилизация внутривластного развития страны произошла лишь в начале 1939 г. Однако после похода Красной армии в Восточную Польшу, вхождения в состав СССР Латвии, Литвы и Эстонии, западных регионов Украины и Белоруссии в ответ на политику их советизации возникло движение вооруженного сопротивления, которое дестабилизировало внутривластическую обстановку.

Изменения во внутренней политике влияли на организационную структуру органов государственной безопасности, составной частью которых являлись контрразведывательные подразделения. После окончания работы XVII съезда ВКП(б) на первом заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 20 февраля 1934 г. было принято решение о создании союзно-республиканского Народного комиссариата внутренних дел с включением в этот наркомат реорганизованного Объединенного государственного политического управления (ОГПУ). 10 июля 1934 г. Политбюро утвердило решение об образовании НКВД СССР, которое затем было законодательно закреплено. Вместо самостоятельного органа в системе учреждений исполнительной власти бывшее ОГПУ СССР стало Главным управлением государственной безопасности (ГУГБ) в одном ряду с другими управлениями в Наркомате внутренних дел.

Многие сотрудники оперативных подразделений восприняли эту реформу как резкое понижение статуса карательного органа, его роли и места в советском обществе. Однако после убийства в декабре 1934 г. С. М. Кирова руководство НКВД СССР стало подчеркивать, что Главное управление государственной безопасности является центральным органом среди других управлений.

В предвоенный период впервые появилось «Положение об органах государственной безопасности НКВД СССР», в котором наряду с конкретными направлениями оперативной работы определялись задачи советской спецслужбы. В «Положении об общесоюзном Народном комиссариате внутренних дел», принятом 10 июля 1934 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), на ГУГБ возлагались следующие задачи: а) борьба с изменой родине, шпионажем, контрреволюцией, террором, вредительством, диверсией и другими государственными преступлениями по всей территории Союза ССР, во всех областях народного хозяйства, железнодорожном, водном транспорте, в армии, морском и воздушном флоте; б) охрана государственных тайн.

Г. Г. Ягода

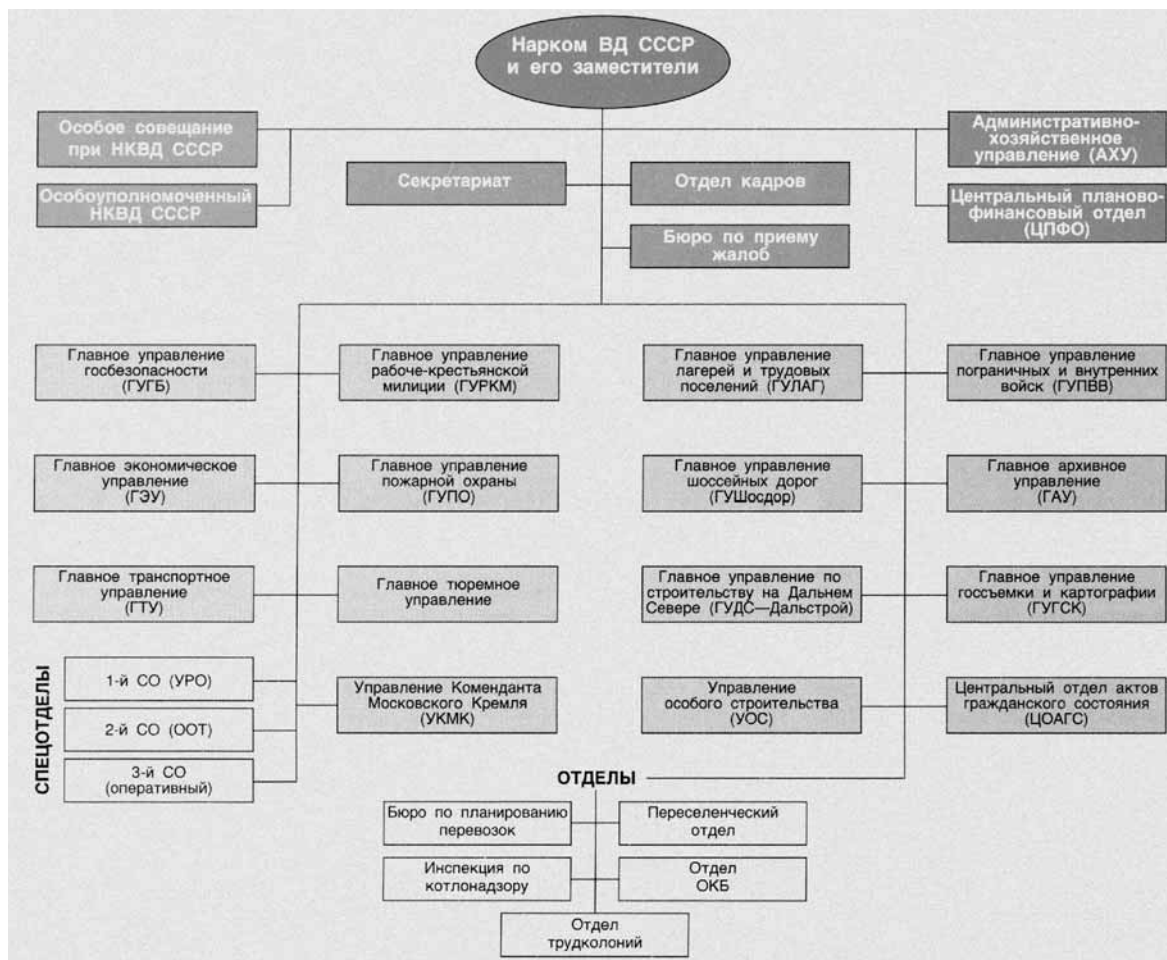
Н. И. Ежов

В проекте «Положения о Главном управлении государственной безопасности», подготовленном в декабре 1937 г., отмечалось, что ГУГБ НКВД СССР являлось центральным органом разведки и контрразведки, осуществляющим все мероприятия по охране государственной безопасности.

Ранее, в ноябре 1936 г. организационная структура ГУГБ НКВД СССР подверглась реорганизации. Был воссоздан самостоятельный Контрразведывательный отдел (КРО), при этом в его состав были включены все подразделения Экономического отдела. В связи с крепнувшей шпиономанией руководство страны полагало, что иностранные разведки направляли свои основные усилия на подрывную деятельность в различных отраслях народного хозяйства.

В специфической форме, соответствовавшей политическим воззрениям руководства страны, формулировалась задача политического розыска, в основе которого лежала борьба с антисоветскими элементами. В декабрьском 1937 г. «Положении о ГУГБ НКВД СССР» она трактовалась как выявление и ликвидация врагов народа из остатков ликвидированных классов и буржуазных перерожденцев, предотвращение и пресечение их антисоветской работы.

Объективно существовала необходимость выявления групп и организаций, которые в борьбе с властью предусматривали насильственные действия, то есть террористические акции, подготовку вооруженных выступлений, но в исследуемый период они составляли столь незначительное количество, что не могли влиять на развитие государства и общества. Теоретические выводы военно-политического руководства, о которых говорилось выше, не соответствовали реальному положению. Рассуждения В. М. Молотова в марте 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б) о том, что мы «позволили вмешаться в наши внутренние дела вражеским силам», якобы проникшим в государственный аппарат и различные ведомства, а затем Л. М. Кагановича — о попытках «взрыва изнутри Советского государства», скорее являлись свидетельством подозрительности, полного пренебрежения к судьбам людей³. Но именно пресечение деятельности так называемых контрреволюционных и антисоветских элементов, исходя из указанных выше партийно-государственных установок, становилось преобладающей задачей органов госбезопасности.

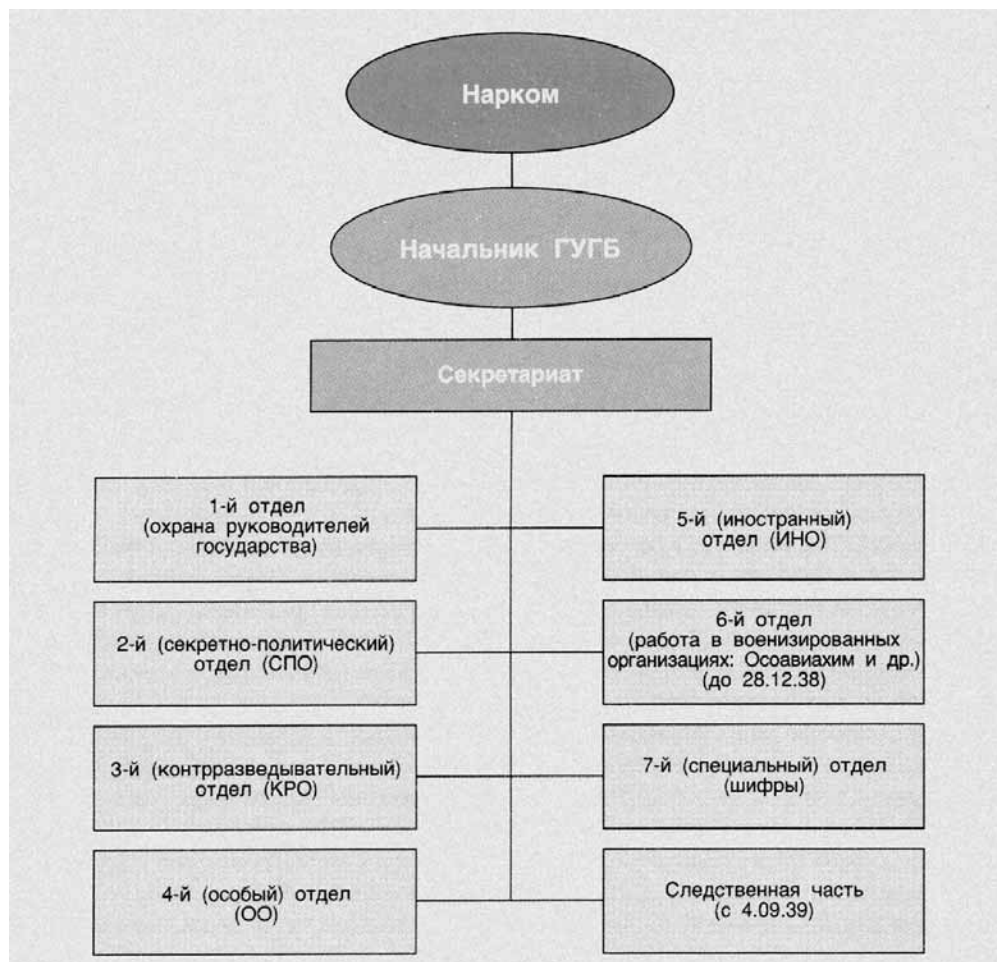

Структура НКВД на 29 сентября 1938 г.

И если бывший до сентября 1936 г. наркомом внутренних дел Г. Г. Ягода отмечал, что в сравнении с жандармскими управлениями на ГУГБ НКВД СССР возложены разведывательные и контрразведывательные задачи, то начальник основного контрразведывательного подразделения — объединенных Особого и Контрразведывательного отделов НКВД СССР М. И. Гай (работал в этом качестве до ноября 1936 г.) любил повторять своим подчиненным, что они «являются жандармами социализма», то есть подчеркивал роль контрразведки как органа политического розыска.

«Что такое чекистский аппарат? — разъяснял Н. И. Ежов в феврале 1938 г. на служебном совещании в Киеве. — Это аппарат принуждения, то есть прямого принуждения, аппарат прямого выполнения директив партии и правительства по непосредственному исполнению всякого рода принудительных мероприятий в отношении различных, не подчинявшихся советскому правительству антисоветских элементов»⁴. Он же указывал и на важную особенность ГУГБ НКВД СССР как органа политического розыска, вытекающую из того, что всей деятельностью органов госбезопасности руководил ЦК ВКП(б).

И. В. Сталин постоянно держал под своим контролем работу органов госбезопасности. Он правил наиболее принципиальные документы, освещавшие проблемы структурных

Структура ГУГБ (декабрь 1938 – 3 февраля 1941г.)

реорганизаций и даже организации агентурно-оперативной работы, определял сценарии политических процессов, регулировал ход следствия. По делу М. Н. Тухачевского, например, он почти ежедневно принимал у себя в кремлевском кабинете наркома Н. И. Ежова. В общей сложности в течение 1937–1938 гг. Ежов побывал у вождя 290 раз и провел в его кабинете более 850 часов⁵. Многие приказы по массовым операциям принимались только на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б).

Проблема борьбы с так называемыми контрреволюционными антисоветскими элементами постоянно волновала И. В. Сталина, причем периодом 1930-х гг. это не ограничивалось. В феврале 1941 г., когда зашла речь о координации деятельности НКВД и НКГБ СССР, наркоматов обороны и Военно-морского флота, он предложил их наркомам создать Центральный совет для координации борьбы с антисоветскими элементами. Но из-за затянувшейся до начала Великой Отечественной войны реорганизации спецслужбы этот Совет так и не начал действовать.

К началу 1941 г. НКВД СССР по объему освоенных капиталовложений занимал одно из ведущих мест среди союзных наркоматов. Происходило выделение новых хозяйственных управлений, не имевших отношения к оперативной работе, включая шоссеино-дорожное,

Л. П. Берия

В. Н. Меркулов

аэродромное строительство. Возросшее число управлений делало НКВД СССР громоздким и неуправляемым. К концу 1940 г. из 17 управлений и самостоятельных отделов наркомата лишь три — Главное управление госбезопасности (ГУГБ), Главное экономическое управление (ГЭУ), Главное транспортное управление (ГТУ) — вели разведывательную и контрразведывательную работу и выполняли функции политического розыска. Обострение международного положения требовало более целенаправленной работы контрразведывательных подразделений.

В декабре 1940 г. нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия направил Сталину записку, в которой, обозначив все эти проблемы, предложил разделить хозяйственное и другие направления деятельности Наркомата внутренних дел от решения проблем в области разведки и контрразведки.

3 февраля 1941 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение, а затем издан указ Президиума Верховного Совета СССР, в соответствии с которыми НКВД СССР был разделен на Народный комиссариат внутренних дел и Народный комиссариат государственной безопасности.

На вновь созданный НКГБ возлагались функции разведки, контрразведки и политического розыска: ведение разведывательной работы за границей, организация борьбы со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведок на территории СССР, борьба с антисоветскими элементами внутри страны, охрана руководителей коммунистической партии и советского правительства⁶.

Необходимость разделения диктовалась целями максимального улучшения агентурно-оперативной работы органов государственной безопасности. Наркомом внутренних дел был назначен Л. П. Берия, а наркомом государственной безопасности — В. Н. Меркулов. Выделение оперативных подразделений в самостоятельный наркомат явилось оправданной и объективно необходимой для совершенствования системы обеспечения государственной безопасности мерой, хотя и несколько запоздалой.

Органы военной контрразведки были выведены из структуры органов государственной безопасности. Были учтены имевшиеся трения между НКО и НКВД СССР, связанные с независимым положением особых отделов в армии от военного руководства. Первоначаль-

но в апреле 1939 г. было принято решение о совместном приказе НКО и НКВД при назначении начальников особых отделов. Накануне образования самостоятельного Наркомата государственной безопасности нарком обороны С. К. Тимошенко направил И. В. Сталину и В. М. Молотову свои предложения, обращая внимание на шедшую в войсках коренную перестройку функций командования, направленную на укрепление единоначалия и сосредоточение в руках командира всех органов управления. В связи с этим он предлагал назначать начальника Особого отдела Красной армии только приказом наркома обороны, которому и должен подчиняться начальник военной контрразведки. Сталин согласился с этим предложением, в результате особые отделы были выведены из подчинения Наркомата государственной безопасности.

Их функции были возложены на созданные в Народном комиссариате обороны СССР и Народном комиссариате Военно-морского флота третьи управления и их подразделения в войсках. Утверждение их штатов и структуры продолжалось вплоть до июня 1941 г.

Полное подчинение военной контрразведки армейскому руководству надолго не сохранилось. Уже в апреле 1941 г. была введена должность заместителя начальника 3-го управления НКО (отдельно — и НК ВМФ) по оперативной работе, который назначался наркомом госбезопасности СССР и подчинялся непосредственно ему.

Реорганизации органов государственной безопасности не прекращались. Менее чем за месяц до начала Великой Отечественной войны, 29 мая 1941 г., нарком В. Н. Меркулов направил И. В. Сталину спецсообщение, в котором отмечал: «Во исполнение Ваших указаний представляю проект постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР об организации в составе НКГБ Главного управления по обслуживанию НК авиационной промышленности, боеприпасов, вооружения и электростанций».

Необходимость создания нового управления была связана с тем, что продолжались аварии и чрезвычайные происшествия на ряде оборонных предприятий, производились аресты: например, руководителей Наркомата боеприпасов, обвиненных во вредительской деятельности. Поэтому в проекте постановления подчеркивалась основная задача сотрудников, заключающаяся в «улучшении обслуживания важнейших наркоматов, имеющих оборонное значение, и усилении борьбы со шпионской, диверсионной, вредительской и террористической деятельностью иностранных разведок на объектах и предприятиях этих наркоматов». Ставилась задача в течение двух дней представить и утвердить штаты нового управления, что было абсолютно невыполнимым. Неудивительно, что Сталин на проекте докладной записки Меркулова поставил знак вопроса⁷.

В течение трех с небольшим лет накануне Великой Отечественной войны были проведены три реорганизации органов государственной безопасности (март 1938 г., сентябрь 1938 г., февраль 1941 г.), что не способствовало стабильности в работе оперативного состава. Последняя реорганизация была начата за четыре с небольшим месяца до начала войны. Вплоть до июня 1941 г. продолжалось формирование отделов. Наркомат государственной безопасности СССР находился в стадии становления и не был полностью подготовлен к деятельности в чрезвычайных условиях.

Характеризуя деятельность контрразведывательных подразделений Главного управления госбезопасности НКВД СССР накануне войны, нельзя не отметить резкого снижения качества контрразведывательной работы, что являлось следствием репрессий среди сотрудников ГУГБ НКВД СССР в период 1937–1939 гг. В течение 1939 г. были арестованы 1960 человек оперативного состава НКВД, включая пограничников, сотрудников третьих отделов ГУЛАГа. В Контрразведывательном отделе центрального аппарата за период 1937–1938 гг. были последовательно арестованы 20 начальников отдела и отделений, 26 их заместителей и помощников. Суммарная численность арестованных работников ГУГБ НКВД СССР и его местных управлений за контрреволюционные преступления, то есть репрессированных в процессах ликвидации так называемых заговоров в НКВД, составляла около 2,5 тысячи человек. Следует отметить, что сотни сотрудников из числа расстрелянных позднее не были реабилитированы, так как сами принимали участие в массовых репрессиях.

Большая часть оперсостава была уволена уже новым наркомом Л. П. Берией (он занял должность в ноябре 1938 г.). В феврале 1940 г. заместитель наркома по кадровой работе С. Н. Круглов докладывал на собрании партийного актива, что в течение 1939 г. по различным причинам из органов безопасности уволили 7322 человека. За период с октября 1936 по январь 1940 г. на 60% произошло обновление личного состава. За 1939 г. были выдвинуты на оперативные должности, получили продвижение по службе 21 088 человек⁸. В определенной мере была нарушена преемственность в передаче опыта профессиональных контрразведчиков. Все это отрицательно влияло на уровень контрразведывательной деятельности. В связи со значительным обновлением личного состава у кадров отсутствовали навыки оперативной работы, о чем прямо заявил на совещании в УНКВД Ленинградской области заместитель начальника контрразведывательного отдела. Во многих управлениях в течение 1939–1940 гг. разработки по шпионажу, террору, диверсии базировались на материалах тех дел, которые не были закончены в 1937–1938 гг.

По мере того как нарастала напряженность международной обстановки и усиливалась опасность вовлечения СССР во Вторую мировую войну, возрастали и требования к органам госбезопасности в обеспечении нормальной работы всех отраслей народного хозяйства, ставились задачи, связанные с укреплением обороноспособности страны. На органы государственной безопасности возлагались задачи контроля и проверки исполнения важнейших правительственных решений по развитию оборонного комплекса. Например, в декабре 1940 г. в связи с развернувшимся в Куйбышеве мощным строительством заводов авиапромышленного комплекса нарком НКВД прямо отмечал, что УНКВД по Кубышевской области не знает, как идет строительство, какие неполадки имеют место в деле выполнения производственной программы, и не оказывает помощи начальнику строительства.

Параллельно итоговым данным о выполнении производственных программ, которые представляли наркоматы, информация поступала из подразделений НКВД. По итогам работы Наркомата судостроительной промышленности И. В. Сталину и В. М. Молотову было доложено, что постановление СНК № 21сс от 9 января 1940 г. наркоматом не выполнено и в 1940 г. вместо 22 подводных лодок в строй было введено 15, и те со значительными недоделками. В конце 1940 — начале 1941 г. огромные аналитические отчеты со статистическими данными направлялись И. В. Сталину и В. М. Молотову по итогам контроля над работой десятков заводов авиационной промышленности. Подразделения госбезопасности в центре и на местах фактически выступали как дополнительный рычаг в системе управления по проверке различных наркоматов. Так, в указании Главного транспортного управления от 15 декабря 1939 г. всем отделам на местах предлагалось срочно сообщить в центр об имевшихся запасах топлива на железных дорогах, фактах очковтирательства, поскольку управления дорог в отчетности скрывали действительное наличие угля, что могло привести к срыву бесперебойной работы транспорта.

Одной из важнейших задач, возложенных на органы госбезопасности, стало систематическое информирование советского руководства практически по всем наиболее существенным проблемам жизни общества, в том числе и имевшим серьезное значение для укрепления обороноспособности страны. Из анализа сводных данных за период 1939–1941 гг. прослеживается главная задача информирования — сигнализировать о недостатках, «прорывах» и извращениях в различных сферах хозяйственной и общественной жизни. Собираемые спецслужбой сведения, преимущественно о негативных явлениях, предназначенные для узкого круга партийных и советских руководителей, отражали реальное положение дел в условиях нарастающей угрозы войны, что исключало возможность самообмана и успокоенности со стороны высшего руководства СССР.

Важным направлением деятельности органов госбезопасности стали систематические и постоянные проверки советских людей во всех сферах жизнедеятельности общества в целях выявления потенциального контрреволюционного элемента. Безусловно, на ряде производств, связанных с оборонным комплексом, службой в Красной армии, при назначении на ответственные должности в государственном аппарате и в других случаях это являлось

оправданной мерой со стороны государства. Например, при назначении на высшие должности законодательной, исполнительной и судебной власти органы госбезопасности осуществляли спецпроверку лиц, входивших в номенклатуру ЦК ВКП(б). Однако допускались массовые ограничения гражданских прав, исходя из социальной принадлежности и взглядов людей. На протяжении предвоенных лет органы госбезопасности постоянно направляли в центр спецсообщения о «засоренности» наркоматов, органов суда и прокуратуры, колхозов, совхозов, сельских советов «кулацкими и антисоветскими элементами». В результате таких проверок и спецпроверок определенная часть советских людей превращалась в политически неблагонадежных и ставилась на учет в органах госбезопасности. На 1 марта 1941 г. общее число таких лиц составляло 1 263 119 человек.

Анализ важнейших следственных дел позволяет сделать вывод о том, что вскрытые органами госбезопасности факты вредительства и диверсий чаще всего не были результатом происков иностранных спецслужб и антисоветских элементов. Их фабрикация представляла собой реакцию государства на многочисленные трудности в процессе создания мощного экономического потенциала страны и попытки их преодоления с помощью репрессий. Однако причины трудностей заключались не в злонамеренности технических кадров, а в их слабой квалификации, отставании в технологии. Неслучайно репрессии в отношении руководителей, не выполнявших планы в течение 1937–1938 гг., не дали результатов. В августе 1938 г. начальник 1-го отдела 1-го управления НКВД СССР Л. Ф. Райхман докладывал наркому оборонной промышленности о выполнении плана первого полугодия всего лишь на 52%. Стоимость одного самолета ТБ-3 вместо предусмотренных 170 тыс. рублей составляла 1,45 млн рублей. Аресты и расстрелы директоров авиационных и моторостроительных заводов не повлияли положительно на выполнение производственных планов⁹. В январе 1941 г. Л. П. Берия докладывал И. В. Сталину, Г. М. Маленкову, А. И. Шахурину о том, что ни по одному из 20 авиационных заводов план 1940 г. не выполнен.

Несмотря на некоторое сокращение количества дел по обвинению во вредительстве и диверсии, тенденция объяснять провалы в экономике происками вредителей сохранилась. Это отразилось даже в отчете о наиболее важных разработках, проводимых в течение 1939–1940 гг. ГУГБ НКВД. Среди важнейших дел о вредительстве называлась «контрреволюционная группа» во главе с бывшим секретарем МК ВКП(б) А. И. Угаровым, которая якобы сорвала программу торпедостроения на ленинградском заводе «Двигатель», а также производство орудий и снарядов новых образцов. «Вредительская» организация в Госбанке СССР, возглавляемая председателем правления банка Н. К. Соколовым, якобы ставила своей задачей вносить путаницу в кредитование, умышленно задерживать выплату зарплаты рабочим и служащим.

В середине мая 1941 г. в соответствии с указанием И. В. Сталина была сформирована группа в количестве 25 человек из сотрудников Контрразведывательного управления НКГБ СССР, которая должна была разрабатывать «шпионско-диверсионную» организацию в самолетостроительной промышленности.

Практически ничем не отличалась картина борьбы с вредительством и диверсией в Красной армии. Как и в сфере промышленного производства, в военной области недостатки и низкая организация боевых действий в вооруженных конфликтах и войнах рассматривались как основание для арестов и последующих необъективных обвинений военачальников в контрреволюционных преступлениях. 15 сентября 1938 г. начальник УНКВД по Дальневосточному краю Г. Ф. Горбач направил обширный доклад Л. П. Берии, который, в свою очередь, адресовал его И. В. Сталину и К. Е. Ворошилову. В докладе давалась негативная оценка действиям командующего Особой Краснознаменной Дальневосточной армией, а с июля 1938 г. — войсками Дальневосточного Краснознаменного фронта маршала В. К. Блюхера. Он обвинялся в слабой боевой подготовке бойцов Красной армии в период военного конфликта с японцами у озера Хасан, в серьезных просчетах в руководстве войсками. За маршалом было установлено наблюдение со стороны военных контрразведчиков, которые докладывали о его действиях и поведении. После заседания Главного военного совета 31 августа 1938 г., на

СССР

**НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

"20" ИЮЛЯ 1940
№ 2917/8
г. МОСКВА

СОВ. СЕКРЕТНО
 РАССЕКРЕЧЕНО

От т. Берия

Ц К В К П (б)

товарищу С Т А Л И Н У

3 марта 1940 года за изменнические действия, повлекшие тяжелые последствия во время военных действий с финской Белогвардейщиной, были арестованы: командир 18-й стрелковой дивизии КОНДРАШОВ Григорий Федорович и, названный им, как его ад'ютант НОВИЧЕНКОВ Борис Борисович, впоследствии оказавшийся помощником начальника штаба артиллерии дивизии.

Произведенным Особым отделом НКВД СССР расследованием установлено, что дивизия вследствие преступно-небрежных действий КОНДРАШОВА попала во вражеское окружение.

Оборона блокированного гарнизона, где находился командный пункт дивизии, КОНДРАШОВЫМ была организована плохо, командные высоты, находившиеся в непосредственной близости, заняты не были.

Получив приказание об организации выхода из белофинского окружения, КОНДРАШОВ никакой подготовки к выходу не произвел. Рядовой состав о намеченном выходе полностью оповещен не был, из-за чего выход превратился в беспорядочное отступление.

Выход из окружения производился 2 колоннами — южной и северной.

После выхода южной колонны, начала движение северная, по которой противник сосредоточил всю силу своего огня. В результате этого личный состав укрываясь от поражения, стал расползаться по сторонам.

Видя создавшуюся панику, КОНДРАШОВ вместо принятия решительных мер к сохранению спокойствия и выводу личного состава из сферы сосредоточенного артиллерийского, минометного и пулеметного огня противника, бросил колонну и бежал в район расположения 20 стр.полка.

После совершения этого предательского акта КОНДРАШОВ в лесу случайно встретился с отставшим от северной колонны помощником начальника штаба артиллерии дивизии мл.лейтенантом НОВИЧЕНКОВЫМ, которого при встрече с нашими частями и назвал своим адъютантом.

Следствием, также установлено, что бросив руководство колонной и скрывшись от участия в боях КОНДРАШОВ высказывал НОВИЧЕНКОВУ намерения сдаться противнику в плен, однако, НОВИЧЕНКОВ это изменническое предложение категорически отверг.

КОНДРАШОВ признал себя виновным в том, что не организовал оборону блокированного гарнизона, не обеспечил вывода личного состава из вражеского окружения, бросив в ответственный момент выходящую из окружения северную колонну.

Винность КОНДРАШОВА в вышеуказанных преступных действиях полностью установлена, что подтверждается

котором Блюхеру были предъявлены обвинения в «преступном невыполнении» директив ГВС и наркома обороны, покровительстве многочисленным «врагам народа», сознательном пораженчестве, и отстранения от должности командующего он по указанию вождя был арестован в октябре того же года¹⁰.

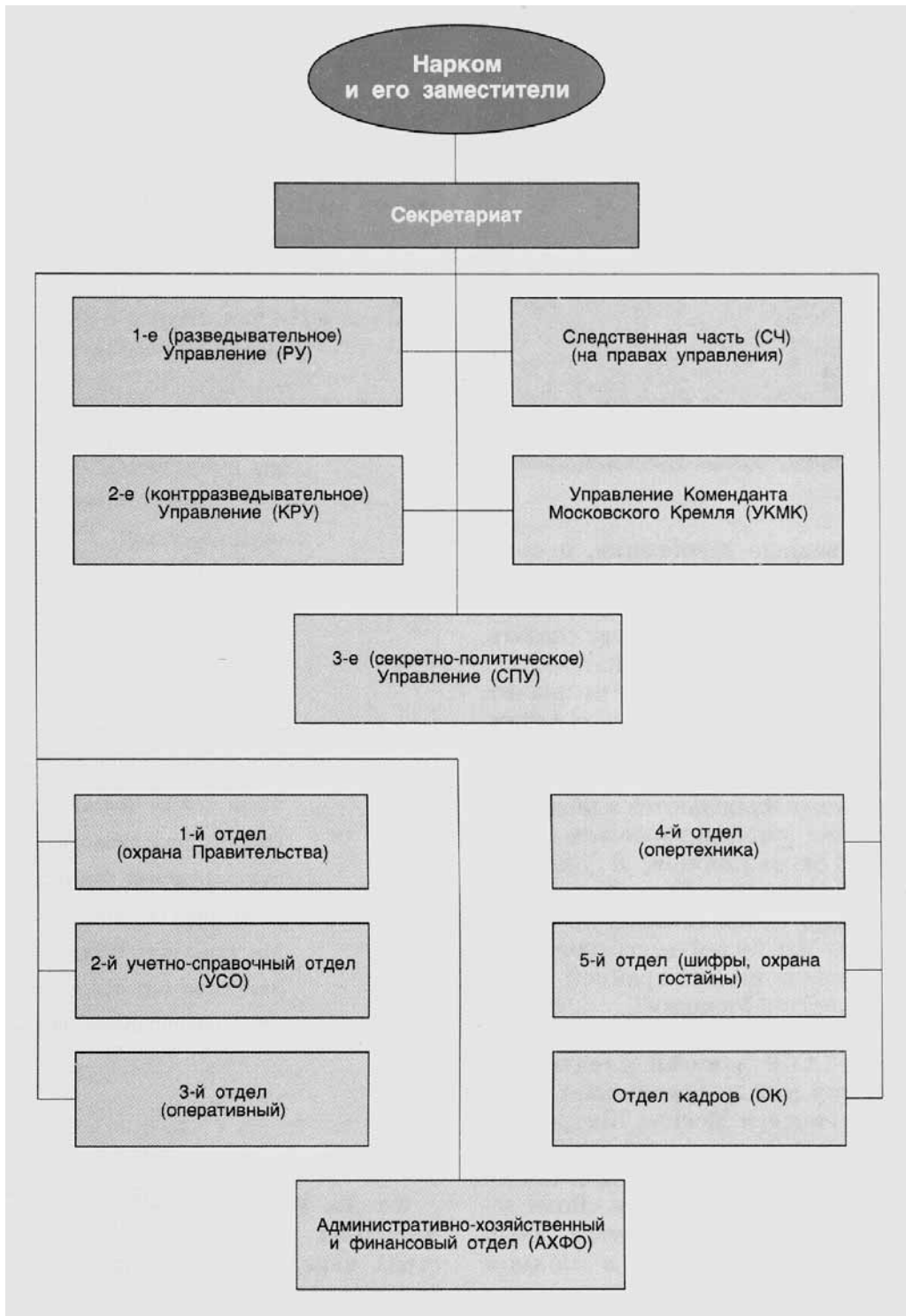
Летом 1939 г. во время военного конфликта в Монголии в районе р. Халхин-Гол были арестованы помощник командующего войсками МНР Лубсан-Даной и начальник штаба 57-го корпуса Красной армии комбриг А. М. Кушев, которые якобы передали японцам карту с указанной на ней дислокацией частей монгольских и советских войск. По итогам неудачных операций в советско-финской войне Л. П. Берия ставил вопрос об аресте командующего 8-й армией комдива И. Н. Хабарова, члена Военного совета С. И. Шабалова и двух комдивов¹¹. Таким образом, сложилась устойчивая практика, при которой низкий уровень боеготовности в ходе военных действий объяснялся вредительской работой в войсках, что должно было служить оправданием объективных недостатков.

Минуя военное командование конкретных частей, информация об истинном состоянии войск направлялась И. В. Сталину и К. Е. Ворошилову. Например, в период советско-финской войны, когда спецсообщения поступали практически ежедневно, высшему руководству докладывалось обо всех недостатках в боевой подготовке Красной армии. В декабре 1939 — январе 1940 г. Особый отдел Главного управления госбезопасности представлял материалы о реальных потерях в живой силе и технике, неподготовленности войск к ведению войны в зимних условиях из-за отсутствия зимнего обмундирования и других недостатках. В январе 1940 г. Сталину было доложено о том, что части разгромленной 44-й дивизии оставили финнам 58 пушек и 38 танков, прибывший из Киевского военного округа 425-й автобатальон небоеспособен, так как 40% машин имели негодные аккумуляторы, а из 8-й стрелковой дивизии, направленной в Финляндию из Белорусского военного округа, не прибыло к месту назначения (дезертирство) в общей сложности более одного батальона (400 человек)¹².

Постепенно накапливался и боевой опыт, востребованный в годы Великой Отечественной войны. Стремительные рейды финских диверсионных отрядов в тылу Красной армии, факты дезертирства среди советских военнослужащих потребовали обеспечения безопасности тыла. Для этих целей были сформированы стрелковые полки войск НКВД на базе пограничных отрядов, а в дальнейшем из состава полков — контрольно-заградительные отряды, подчиненные особым отделам в соответствии с приказом наркома обороны и наркома внутренних дел № 0093 от 24 января 1940 г. На эти отряды возлагались организация «на основных направлениях заслонов и застав, проведение облав в тылу действующих частей, проверку документов... и задержание дезертиров»¹³. По результатам деятельности контрольно-заградительных отрядов десятки красноармейцев были приговорены к высшей мере наказания.

Активно действовали и оперативные группы органов государственной безопасности, которым придавались в отдельных случаях до батальона войск НКВД. В их задачи входили поддержание порядка на новых территориях, борьба с уголовными элементами, выявление агентуры полицейских и разведывательных органов Финляндии. Например, оперативная группа УНКВД Ленинградской области докладывала 15 декабря 1939 г. об обнаружении архивов полицейского управления и охраны г. Терийоки¹⁴.

Приобретался опыт фильтрационной работы. После окончания советско-финляндской войны 5277 советских военнопленных Красной армии были возвращены в СССР. Все военнопленные по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 19 апреля 1940 г. были заключены в Юхновский лагерь на территории Ивановской области для проведения оперативных-чекистских мероприятий в целях «выявления среди военнопленных лиц, обработанных иностранными разведками, сомнительных и чуждых элементов и добровольно сдавшихся финнам с последующим преданием их суду». За исключением 450 бывших военнопленных, освобожденных по итогам фильтрации, все остальные были осуждены. Основная часть военнопленных, на которых не имелось достаточно материалов для предания суду, были осуждены особым Совещанием НКВД СССР на сроки от пяти до восьми лет заключения в исправительно-трудовые

Структура НКГБ (3 февраля – 20 июля 1941 г.)

лагеря¹⁵. Таким образом, формировалась политика советского руководства в отношении военнопленных, реализация которой пришлось на годы Великой Отечественной войны.

Наряду с непосредственным участием в выполнении различных народно-хозяйственных задач на органы госбезопасности возлагались обязанности обеспечивать важнейшие хозяйственно-политические кампании. Специфика деятельности оперативных отделов заключалась в том, что, используя специальные методы, сотрудники госбезопасности вели борьбу с негативными проявлениями в ходе посевной и уборочной кампаний в деревне, расследовали факты, связанные с перебоями в снабжении населения промышленными и продовольственными товарами. Подобные задания обычно возлагались на органы госбезопасности в периоды проведения каких-либо политических мероприятий: съездов общественных организаций, всесоюзных совещаний. Так, в январе 1935 г. местным органам госбезопасности было предложено проверить всех выбранных в республиках и областях делегатов съезда колхозников-ударников и принять меры к тому, чтобы отклонить кандидатуры всех неблагонадежных.

Продолжалась работа по пресечению негативных явлений в социальной сфере: например, по выполнению постановления СНК СССР № 253-108с от 21 февраля 1940 г. о борьбе с очередями за промышленными и продовольственными товарами в Москве, Ленинграде и Горьком. Докладывая И. В. Сталину о том, что за первое полугодие 1940 г. за спекуляцию только в Москве были оштрафованы более 55 тыс. человек (то есть ежедневно штрафовали более 300 человек), Л. П. Берия пытался доказать низкую эффективность подобных карательных мер. Чтобы пресечь спекуляцию и скупку товаров, он предложил предавать суду всех оштрафованных более двух раз, а также приехавших в Москву из других мест и уличенных в скупке товаров¹⁶.

Органы госбезопасности выполняли важнейшие задачи по охране государственной тайны и защите секретов. Они действовали в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О работе секретных и секретно-шифровальных отделов учреждений и предприятий и порядке хранения секретных документов и материалов», принятым в 1935 г. и разработанной на его основе инструкции, дополненной и утвержденной повторно СНК СССР в январе 1940 г. Органы госбезопасности обязаны были осуществлять контроль и проверку работы секретных частей наркоматов, воинских частей, партийных учреждений, промышленных предприятий.

Главным и основным направлением контроля над работой как секретных частей, так и в целом учреждений являлись систематические обследования и проверки состояния хранения секретных документов. Эта деятельность была крайне необходимой, поскольку способствовала поддержанию бдительности, устранению фактов небрежного и халатного отношения к работе с секретной документацией, своевременному выявлению пропавших и утерянных документов и принятию мер к их поиску. Многочисленные факты свидетельствовали о неблагополучном положении в этой области. Пропадали документы, в которых содержались важнейшие сведения об оборонном потенциале страны: например, в декабре 1940 г. исчезли целые комплекты чертежей строившегося новейшего линкора «Советский Союз», а в мотобделе Наркомата вооружений утеряли документы с данными о мощностях заводов стрелкового вооружения на 1941 г.¹⁷

В процессе проверок пресекались нарушения правил работы с секретными документами. Регулярные проверки проводились и в зарубежных представительствах СССР. В октябре 1940 г. был наказан ряд сотрудников Амторга в США за нарушение правил хранения секретных документов.

Одним из направлений деятельности контрразведывательных органов являлось пресечение попыток разложения аппарата управления путем взяток и подкупа чиновников. Представитель одной французской судостроительной фирмы в процессе переговоров с советскими чиновниками настойчиво предлагал дать заказ на постройку кораблей его фирме, подчеркивая, что ему выделена значительная сумма наличными для выражения благодарности и укрепления сотрудничества. В октябре 1938 г. нарком внутренних дел докладывал председателю СНК, что комиссия «Станкоимпорта» по непонятным причинам отказалась от услуг

фирмы, предложившей СССР большую скидку за оборудование, аналогичное закупленному у другой фирмы. Убытки составляли десятки тысяч золотых рублей.

Но большая часть разработок оперативного состава ГУГБ НКВД СССР была направлена на выявление так называемого антисоветского элемента. До начала Великой Отечественной войны аресты за контрреволюционную агитацию и участие в контрреволюционных организациях составляли основную часть работы органов госбезопасности. Оперативные работники называли ее между собой «основным хлебом». Так, сотрудниками УНКВД Свердловской области за 1940 г. были арестованы 413 человек, из них 179 — за контрреволюционную агитацию. Если к ним прибавить 99 человек, принадлежавших к контрреволюционным организациям, то это составит почти 70% арестованных. Нарком внутренних дел отмечал слабую работу управления, так как большинство дел прошло по ст. 58-10 УК РСФСР (контрреволюционная агитация).

В связи с тем что накануне Великой Отечественной войны на контрразведывательные подразделения органов государственной безопасности были возложены многочисленные несвойственные им задачи, решение последних отвлекало сотрудников от борьбы с иностранными разведками.

Борьба с разведывательно-подрывной деятельностью иностранных спецслужб и эмигрантских организаций

Пресечение разведывательной деятельности спецслужб иностранных государств являлось важнейшим направлением работы советской контрразведки. Главное внимание уделялось установлению сотрудников разведывательных органов в официальных представительствах иностранных государств и их агентуры, а также нелегально заброшенных агентов.

Официальные дипломатические представительства были основными базами, под прикрытием которых сотрудники, как правило военных атташатов, пытались добывать самую разнообразную информацию. Однако благодаря противодействию советской контрразведки условия для их разведывательной деятельности в СССР были самые неблагоприятные. Руководители германской военной разведки отмечали огромные трудности в нелегальной заброске агентуры в нашу страну. К ним они относили плотную охрану государственной границы, жесткий контроль над всеми иностранцами, прибывавшими в страну. Начальник разведки абвера генерал-майор Г. Пиккенброк отмечал, что для получения разведывательных сведений приходилось делать ставку на легальные возможности и использовать лиц, выезжавших в СССР в служебные командировки.

К середине 1930-х гг. в СССР сформировался режим тотального преследования всех лиц, имевших какие-либо контакты с иностранцами, что практически исключало любые возможности для зарубежных разведок добывать информацию об экономическом и оборонном потенциале СССР. На этой почве на протяжении 1930-х гг. возникали постоянные конфликты между наркомом иностранных дел М. М. Литвиновым и наркомами внутренних дел. Литвинов объективно замечал, что при таком жестком подходе НКВД видит шпионов чуть ли не в каждом иностранце.

Официальные представительства находились под постоянным контролем сотрудников контрразведывательных подразделений. На 1 января 1939 г. в стране насчитывалось чуть больше 1,5 тысяч сотрудников дипкорпуса, из которых 1129 человек находились в Москве и более 400 человек — в 24 консульствах в разных городах СССР.

Практически все представители иностранных государств отмечали работу службы наружного наблюдения. Японский офицер, стажировавшийся в одном из стрелковых полков, заявлял, что он не может сделать ни шагу без сопровождения. Итальянский консул в Одес-

се писал об огромных трудностях по сбору сведений в России. Военный атташе Германии Э. Кёстринг в своих воспоминаниях отмечал, что во всех его поездках, при посещении театров и ресторанов за ним неотступно следовали два офицера НКВД. Когда же он обратился за разъяснениями в Наркомат иностранных дел, то ему было сказано, что он является важной персоной и необходимо обеспечивать его безопасность¹⁸.

В последующем руководители спецслужб Германии заявляли, что в результате этих мер они не смогли изучить мощности новых промышленных объектов Урала и Сибири, новых образцов военной техники (танк Т-34), численность формирований Красной армии на Дальнем Востоке.

Зная о постоянном наблюдении за иностранцами, сотрудники дипломатических представительств пытались использовать различные приемы. В отчетах о работе оперативного отдела отмечалось, что военный атташе Финляндии полковник Хекли и его помощник капитан Руоконен гримировались и одевались как простые рабочие, а затем ездили в общественном транспорте и слушали разговоры. В трамваях рабочие, в том числе и оборонных заводов, обсуждали производственные проблемы, что вполне легально фиксировали сотрудники атташата.

Летом 1935 г. сотрудник германского посольства, находившийся в ресторане «Прага», вызвал одновременно четыре такси и незаметно сел в одно из них. Бригады оперативного отдела потеряли контакт с ним. В ряде случаев бригады наружного наблюдения не могли выполнить задание, так как отечественные легковые автомобили по своим скоростным характеристикам уступали иностранным. В связи с этим по заказу оперативного отдела закупились автомобили в Америке.

Случались и «проколы». В ходе неоднократных разведывательных поездок военного атташе одного из европейских государств без уведомления отдела внешних сношений Наркомата обороны он постоянно обнаруживал сотрудников службы наружного наблюдения, которые следили за ним. Вследствие их расшифровки военный атташе сделал правильный вывод о том, что органы советской контрразведки получают информацию из посольства. В итоге часть обслуживающего персонала посольства была заменена.

В ответ на постоянный и жесткий контроль над дипломатическими представителями Польши руководство этой страны приняло в 1936 г. решение об исключении советских граждан из обслуживающего персонала и замене их поляками.

Органы контрразведки проводили мероприятия, затруднявшие разведывательную деятельность иностранцев. Например, в целях предупреждения разведывательных устремлений выявленных разведчиков и агентов было принято решение через «Интурист» и другие организации создавать им трудности в приобретении билетов на поездку в отдельном купе, а при их следовании на автомашинах в интересующие разведчиков районы выставлять на шоссе дорогах специальные посты для направления их по иным маршрутам.

В процессе разработки представителей дипкорпуса, различных торгово-экономических организаций, иностранных корреспондентов каждое отделение Контрразведывательного отдела накапливало так называемые «альбомные дела». В них собирались и затем анализировались все добываемые документальные материалы. На этой основе проводилась кропотливая работа по установлению лиц, проводивших разведывательную деятельность. Выявив шпионскую деятельность того или иного лица, органы госбезопасности в целях пресечения подрывной деятельности проводили предупредительные оперативные мероприятия. Например, за установленными разведчиками велось круглосуточное наружное наблюдение, под различными предлогами им отказывали в посещении важных оборонных и промышленных объектов.

В отдельных случаях, когда было невозможно выявить документальные материалы, позволявшие уличить сотрудника дипкорпуса в проведении разведывательной работы, оперативные работники прибегали к неординарным методам. Так, в 1938 г. посол Японии в Москве жаловался в МИД, что на вокзале у военного атташе были украдены чемоданы.

Постоянный контроль над иностранными посольствами позволял выявлять советских граждан, инициативно вышедших на представителей этих государств для сотрудничества

с их спецслужбами. Так, начальник секретной части завода № 3 Наркомата обороны обратился к японским дипломатам с предложением о передаче ряда сведений об авиазаводах, номенклатуре выпускаемой продукции. В мае 1936 г. был арестован работник треста «Госгеосъемка», пытавшийся переправить за границу секретные материалы об авиазаводах, маршрутно-полетные карты с указанием аэродромов и посадочных площадок. Такие сообщения обязательно направлялись И. В. Сталину, который в данном случае потребовал выяснить, каким образом эти материалы оказались у работника треста, далекого от проблем авиации¹⁹.

Попытки инициативных выходов советских граждан на иностранные представительства с целью передачи информации неоднократно пресекались также с помощью технических служб. После телефонных звонков неизвестного лица германскому консулу в Ленинграде Зоммеру на встречу с ним явился «представитель германского консульства», роль которого исполнял сотрудник КРО УНКВД по Ленинграду и области.

Хотя и крайне редко, но имели место случаи задержания представителей дипломатического корпуса с поличным, то есть с секретными материалами. Летом 1936 г. был арестован сотрудник польского консульства в Киеве, при нем были обнаружены фотографии новых танков и другие материалы. Его задержание произошло после того, как в Польше был арестован по обвинению в шпионской деятельности советский дипломат. В итоге по решению Политбюро ЦК ВКП(б) состоялся обмен сотрудниками.

Постепенно в циркулярах и директивах ГУГБ НКВД СССР о борьбе с диверсиями и шпионажем на железнодорожном и водном транспорте, о разрушительной деятельности германской разведки в народном хозяйстве, о мерах по защите оборонных предприятий особого списка в течение 1935–1937 гг. намечались мероприятия по устранению лиц определенной национальности с этих объектов в случае малейших подозрений в их причастности к диверсиям. В это число входили корейцы, поляки, китайцы и немцы.

С середины 1930-х гг. в процессе таких разработок случаи нарушения законности стали приобретать систематический характер. Так, советские граждане финской национальности постоянно обращались в финскую миссию за национальными документами. Сотрудники контрразведки считали такие обращения фактом сотрудничества с финскими разведывательными органами и после ареста этих граждан квалифицировали их действия как уголовное преступление, предусмотренное ст. 58-6 УК РСФСР (шпионаж). В течение 1935 г. финские официальные представители в СССР дважды обращались в НКВД с жалобами на подобные действия. В ноябре 1935 г. в указании прокурора СССР и наркома НКВД отмечалось, что «на лиц, которые впредь допустят в составляемых и утверждаемых ими документах неверные формулировки и квалификации, будут налагаться строжайшие дисциплинарные взыскания»²⁰.

Наибольшее внимание уделялось германскому посольству. Важным направлением деятельности контрразведывательных подразделений стала разработка окружения иностранных представительств. По мере укрепления нацистского государства усиливались репрессии в отношении советских немцев. Фактически все контакты иностранцев с советскими людьми, которые рассматривались в качестве потенциальной базы иностранных разведок, находились под контролем органов госбезопасности. В определенной мере пресекались попытки сообщений за границу фактов о реальных проблемах социально-экономического развития СССР, а также отдельные попытки «инициативного» шпионажа.

По разработкам ГУГБ НКВД СССР 1935–1936 гг. «Арийцы», «Форшунгсамт», «Коричневая паутина» были арестованы сотни человек. В результате последней разработки была выявлена только пропагандистская деятельность сотрудников германского посольства в Москве. По ее итогам в ориентировке Особого отдела отмечалось, что не удалось вскрыть никакого нелегального центра германской фашистской партии. Тем не менее в ноябре 1936 г. Н. И. Ежов доложил И. В. Сталину об арестах членов «нелегальной фашистской партии». Всего в течение месяца органами госбезопасности в Москве и Ленинграде были арестованы 83 советских гражданина и 19 германских подданных. В декабре того же года был подготовлен проект обвинительного заключения по делу арестованных советских граждан.

Данный проект И. В. Сталин направил наркому иностранных дел М. М. Литвинову. Последний был возмущен грубым указанием на то, что в помещении иностранного посольства, под которым явно понималось германское, хранилась бомба для совершения террористического акта, и один из обвиняемых получил ее якобы от сотрудника посольства. Такие факты, по его мнению, могли привести даже к разрыву дипломатических отношений с Берлином. По мнению Литвинова, не было никакой необходимости обострять отношения с Германией. В итоге было принято решение судебный процесс не проводить, а советское руководство через наркома внутренних дел довело до сведения германского посла Ф. Шуленбурга, что все арестованные германские граждане будут высланы за границу²¹.

В марте — апреле 1937 г. в директивах и циркулярах КРО ГУГБ НКВД СССР отмечалось, что в предшествующие годы шпионские организации были раскрыты контрразведчиками в основном в процессе разгрома массовых антисоветских группировок. В директивном письме ГУГБ от 2 апреля 1937 г. «О возрастающей активности германских разведывательных органов и специальных учреждений фашистской партии на территории СССР» подводился своеобразный итог работы контрразведки. В письме прямо говорилось о преобладании агентурных разработок, которые дают только повод для арестов, но не содержат доказательств виновности арестованных, большинство ликвидируемых дел не документировано и целиком основано на показаниях обвиняемых.

В период массовых репрессий 1937—1938 гг. были арестованы по обвинению в шпионской деятельности более 265 тыс. человек. Проведение операций по аресту и осуждению советских граждан польской, немецкой, финской и других национальностей, имевших собственную государственность за пределами СССР, безусловно, подрывало потенциальную базу для проведения вербовочных операций разведками спецслужб иностранных государств.

Кампания шпиономании приводила к тому, что нарком внутренних дел, случалось, направлял Сталину совершенно абсурдные сообщения. Так, летом 1937 г. в районе Ладожского озера были пойманы вороны, на кольцах у которых было выбито слово «Германия». Это были обычные исследования германских орнитологов. В спецсообщении, однако, делался вывод о том, что немцы запускают ворон на нашу территорию, чтобы выяснить направление ветров, а затем использовать эти метеоданные для разработки планов бомбардировок и поджогов объектов в районах Ленинградской области²².

На несколько месяцев в течение 1938 г. акционерное общество «Интурист» было передано в структуру НКВД, таким образом его отделения превратились в филиалы НКВД за рубежом. Это являлось попыткой контролировать иностранных туристов еще до их въезда в СССР. Но уже в конце 1938 г. абсурдное решение было отменено, и «Интурист» вновь стал самостоятельной организацией.

Однако постоянный контроль над иностранцами не означал, что удавалось полностью пресечь разведывательную деятельность спецслужб потенциальных противников. В 1937 г. в бюро пропусков НКВД явился человек, который признался в том, что являлся польским агентом и пришел добровольно сдать. Сталин потребовал немедленно расследовать этот факт и выяснить, через какой именно пункт нашей границы он проник на территорию СССР²³.

Наиболее активно работал против СССР начальник разведки и контрразведки болгарского отдела Русского общевойскового союза (РОВС) К. Фосс. Сотрудниками резидентуры Иностранного отдела ГУГБ в этой стране были выявлены материалы на двух агентов, подготовленных им для заброски в СССР. Эти данные были срочно переданы в Контрразведывательный отдел Центра. Однако через несколько месяцев КРО был извещен, что Фосс получил из Одессы почтовые открытки о благополучной легализации своих агентов. В дальнейшем он встречался с представителями финской разведки и передал им данные об укрепрайонах Одесского, Киевского, Ленинградского военных округов, военно-морских базах Черноморского и Балтийского флотов.

Широкие возможности для усиления разведывательной деятельности с легальных позиций появились у германских спецслужб после подписания в августе 1939 г. советско-

германского пакта о ненападении и последующих торгово-экономических соглашений. Различного рода комиссии по переселению немцев в Германию с территорий, отошедших к СССР, значительно возросшее количество торговых делегаций активно использовались немецкими спецслужбами. Например, сотрудник «Абверштелле-Краков» (германского разведывательного органа на территории Польши) Демель в 1939 г. являлся членом комиссии по переселению. Офицер связи между абвером и румынской разведкой Странский отмечал, что летом 1940 г., в момент воссоединения Бессарабии с Молдавией, были созданы резидентуры в Кишиневе и Аккермане. В январе 1940 г. среди членов германской торговой делегации был выявлен с помощью Разведывательного управления РККА кадровый сотрудник спецслужбы Германии.

В отчетах Контрразведывательного отдела УНКВД Ленинграда и области обращалось внимание на то, что германские торговые суда стали систематически садиться на мель вблизи Кронштадта — главной военно-морской базы на Балтийском море, хотя в предшествующий период такие факты не наблюдались, поскольку фарватер был всесторонне изучен²⁴.

Летом 1940 г. советское руководство разрешило осуществить проводку Северным морским путем германского судна. К сожалению, только после начала Великой Отечественной войны целенаправленные действия германского военного флота в Баренцевом и Карском морях контрразведка квалифицировала как выполнение разведывательных задач²⁵.

После заключения пакта о ненападении для германских дипломатических и военных представителей вообще делалось некоторое исключение. Весной 1941 г. нарком НКГБ В. Н. Меркулов докладывал В. М. Молотову о намечавшейся поездке военных атташе Германии, Венгрии, Болгарии и Финляндии во внутренние области СССР и отмечал, что поездка задумана явно в разведывательных целях. Нарком иностранных дел санкционировал: «Разрешение пока дать только немцам (об остальных сказать — рассматривается)»²⁶. Таким образом, внешнеполитические отношения СССР с Германией влияли на деятельность контрразведывательных органов, создавая дополнительные сложности в пресечении разведывательной активности сотрудников германского посольства.

Накануне Великой Отечественной войны контрразведывательные органы информировали советское руководство об активной работе специальных служб нацистской Германии по сбору сведений о дислокации частей Красной армии. В апреле 1941 г. из-за технических неполадок один из самолетов специального разведывательного авиаотряда люфтваффе (командир — подполковник Ровель) приземлился вблизи г. Ровно, но до прибытия советских представителей экипаж успел взорвать кабину. В результате технической экспертизы обломков было установлено, что в кабине находилась мощная фотографическая установка, о чем было доложено И. В. Сталину. Этот факт подтверждал свидетельства о проведении германским командованием разведывательной деятельности.

В связи с тем что германское руководство планировало провести молниеносную войну против СССР, основная цель агентов немецкой разведки состояла в выявлении дислокации частей Красной армии. С этой целью абвер стремился использовать местное население. Среди немецкой агентуры, захваченной органами госбезопасности накануне войны, 80% составляли поляки и украинцы, были также русские, белорусы, литовцы, латыши, эстонцы и представители других национальностей.

Контрразведывательные подразделения органов государственной безопасности осуществляли также разведывательную работу и добывали ценные сведения о планах государств — потенциальных противников СССР, их военном потенциале. В 1938 г. была проведена секретная съемка материалов о военном потенциале Германии, которые вез с собой возвращавшийся из Берлина в Токио через Москву один из представителей японской дипломатической миссии в Германии. В декабре 1940 г. наркомам обороны и Военно-морского флота из контрразведывательного отдела был передан доклад военно-морского атташе Германии в Москве о боевых действиях фашистского флота против Англии.

За несколько недель до начала Великой Отечественной войны контрразведчиками была осуществлена дерзкая операция. Из полуподвала жилого дома, находившегося рядом с особ-

няком Э. Кёстринга, германского военного атташе, был прорыт туннель в подвал особняка. В течение этого времени регулярно проводились выемки секретных документов, помещения были оборудованы специальной техникой прослушивания. Записи разговоров военного атташе регулярно докладывались наркому государственной безопасности В. Н. Меркулову, наиболее важные из которых он направлял И. В. Сталину.

Так, в одном из них отмечалось: «НКГБ сообщает нижеследующие выдержки из записанных 13 и 15 мая 1941 г. разговоров между чинами военного и военно-морского германских атташатов в Москве:

Кёстринг: На Волге я еще ничего не предпринимал. Но начать портить уже нужно, так как это у нас будет предварительной подготовкой к скорому наступлению.

Нагель: ...Нам нужно обязательно перехватывать военных курьеров и отбирать у них весь материал... Я думаю, что русские будут кусать себе локти, когда мы появимся нежданно-негаданно...

Шубут: ...К Нарве мы должны подойти быстро. Это должен еще, правда, решить Берлин. Все дела мы должны иметь наготове, чтобы не метаться в нужный момент.

Нагель: О, мы еще неоднократно испортим безмятежное спокойствие русских.

Кёстринг: Я думаю.

Шубут: ...Для нас очень важно то, что русские не так часто меняют свое месторасположение. Они два-три года остаются на одном месте. И поэтому можно сказать — я побью Россию...

Кёстринг: ...Наступать — вот единственно правильная вещь. Я думаю, что все же они боятся...

Баумбах: У меня создалось такое впечатление, что русские пока спокойны.

Кёстринг: То дело, о котором мы говорили, должно оставаться в абсолютной тайне. Эти две недели должны быть решающими... Природные богатства! Это будут наши естественные завоевания, о которых мы заявили во всеулышание в международных кругах.

Баумбах: Я все же хочу сказать, что политически они сильны.

Кёстринг: Это ничего не значит. Мы сумеем договориться с Англией и Америкой, а также использовать югославов и норвежцев. Французы тоже включаются в наш счет. Нам уже удалось завоевать около двадцати миллионов. Я убежден, что в этом деле мы выйдем победителями — прокатимся по этому Союзу. Мы будем вести войну до тех пор, пока по крайней мере не захватим Украину»²⁷.

В конце 1940 г. для проверки данных о сосредоточении финских и германских войск вдоль границ СССР три сотрудника УНКВД Ленинграда и области, разведотдела пограничного округа, провели визуальное наблюдение за перевозками на важнейших железнодорожных путях Финляндии. В результате ими были добыты данные о военных приготовлениях Германии и Финляндии к войне.

Разведотделы западных пограничных округов на протяжении апреля — июня 1941 г. регулярно давали информацию о сосредоточении германских войск, строительстве коммуникаций и конкретные данные о сроках нападения. За несколько дней до начала войны, 17 июня 1941 г., на участке 84-го пограничного отряда Белорусского военного округа были захвачены пять немецких агентов. В процессе допросов они дали конкретные показания о подготовке взрывов на железных дорогах. На следующий день на участке 87-го пограничного отряда были задержаны еще два агента, давшие показания о существовании специальной школы в местечке Ламсдорф в пригороде Берлина, где прошли курсы по проведению диверсий²⁸.

К сожалению, не получила своевременной оценки ценнейшая информация руководства пограничных войск о местах, где были захвачены германские агенты в мае — июне того же года. Составленные карты с обозначением районов, где удалось задержать наибольшее количество агентов, с большой точностью указывали на будущие направления главных ударов германских войск²⁹.

Сотрудники контрразведывательных органов накануне войны информировали руководство страны о срочном выезде представителей дипкорпуса Германии и членов их семей.

Данную информацию следовало рассматривать в качестве доказательства предстоящих существенных изменений в отношениях между двумя странами.

В выявлении разведывательных устремлений фашистской Германии значительное место отводилось радиоко́нтрразведке. Была принята правительственная программа по созданию сети радиостанций в европейской части России и на Дальнем Востоке, которые должны были перехватывать сообщения радиосетей иностранных государств, в том числе Германии, и препятствовать иновещанию на СССР.

В предвоенный период резко усилилась активность радиоинтервенции со стороны иностранных государств. В течение 1938–1939 гг. были установлены подозрительные радиостанции под Москвой, в Ленинградской и Иркутской областях. Однако повторных радиосвязей зафиксировано не было, и вероятных агентов иностранных разведок выявить не удалось.

В 1940 г. сотрудниками радиоко́нтрразведки в Москве фиксировались выходы в эфир из помещения германского посольства. Органы госбезопасности получили весьма ценные сведения о работе германского посольства и указаниях, получаемых из Берлина.

В 1939–1941 гг. центр тяжести в борьбе с иностранными разведками переместился на территории западных областей СССР. В июне 1940 г. в Каунасе, Риге и Таллине были выявлены рации, установленные в помещениях, занимаемых представителями германского посольства. По этим рациям передавалась шифрованная информация в Берлин. Ввиду того что шифр был неизвестен органам госбезопасности, приняли решение «забывать» помехами передачи этих нелегальных раций.

Советские ко́нтрразведчики испытывали значительные трудности в борьбе с иностранными спецслужбами на новых территориях. Большая часть сотрудников была направлена в эти регионы из других областей СССР, что затрудняло их быструю адаптацию. Тем не менее ко́нтрразведчики раскрыли здесь нелегальные резидентуры фашистских спецслужб, созданные на базе различных существовавших ранее организаций, поддерживавших культурные и экономические связи с Германией. Отдельные подпольные группы имели контакты с представителями германских разведывательных служб. В мае 1941 г. в Литве была раскрыта резидентура, которая поддерживала радиосвязь со Штеттинским радиоразведцентром. Накануне войны из него передавались сведения о военном потенциале СССР.

В апреле 1941 г. в Риге органы ко́нтрразведки арестовали группу, имевшую связь с германскими спецслужбами, в арсенале Прибалтийского военного округа. В ходе операции был тяжело ранен оперативный работник и радист германской резидентуры. В начале мая 1941 г. в Таллине и в разных уездах Эстонии были арестованы 119 человек, входивших в организацию под названием «Комитет спасения». У членов организации были изъяты радиопередатчик, шифры, коды, 260 кг взрывчатки. На Украине в 1939–1941 гг. были раскрыты 20 разведывательных резидентур германской разведки.

Но все же главное направление в борьбе с разведывательно-подрывной деятельностью спецслужб стран потенциального противника состояло, как и ранее, в проведении массовых операций по ликвидации так называемых баз иностранных разведок.

Важным направлением работы ко́нтрразведывательных органов стало пресечение деятельности российской эмиграции, положение которой резко ухудшилось во второй половине 1930-х гг. Крупнейшие организации, такие как Русский общевоинский союз (РОВС), Братство русской правды (БРП), Российский фашистский союз (РФС), превратились в аморфные образования, которые уже не представляли опасности и угрозы для Советского государства. Это стало в значительной мере следствием активной советской внешней политики. В 1935 г. были заключены договоры между СССР, Францией, Чехословакией. Париж и Прага являлись главными центрами размещения штабов эмигрантских организаций. Для того чтобы не вызывать осложнений в развитии межгосударственного сотрудничества, правительства этих стран перестали оказывать открытую помощь и поддержку эмигрантским организациям, провозгласившим своей целью свержение советской власти. Еще ранее, в 1935 г., при обсуждении вопроса об итогах деятельности отдела РОВС в Румынии полковник Жолондковский отмечал, что крайне тяжелое положение складывается из-за отсутствия де-

нег. Составляя финансовый отчет, он не подозревал, что половина небольших средств была израсходована на организацию легендарной разработки, которая находилась под полным контролем ГУГБ НКВД СССР.

Определенная часть российской эмиграции склонилась к сотрудничеству с нацистской Германией. Неоднократно во второй половине 1930-х гг. для встреч с руководителем внешнеполитического отдела национал-социалистической партии Германии А. Розенбергом в Берлин выезжали представители БРП, РОВС. В 1940 г. генералом В. В. Бискупским с согласия германских властей было создано в Варшаве Главное управление по делам русских. В период советско-финляндской войны начальник РОВС генерал А. П. Архангельский заявил о создании Русской народной армии для борьбы с большевиками. В его предложениях наряду с объективной оценкой этой войны, в ходе которой советское правительство пыталось выдвинуть идею о гражданской войне в Финляндии, борьбе красных против белых (попытка создания просоветского правительства О. В. Куусинена), предлагались и практические меры для организаций восстаний, усиления подрывных акций против Советского государства. Вместе с тем руководители РОВС подчеркивали, что их главная задача — защита национальной России и ее интересов против всяких попыток захвата ее территории. Такая позиция не вселяла оптимизма лидерам Германии в их стремлении использовать национальные формирования.

За период с 1931 по 1935 г. советской контрразведкой были задержаны 17 агентов и эмиссаров Братства русской правды и Русского общевоинского союза. На III съезде Российского фашистского союза в марте 1939 г. отмечалось, что в течение 1936—1938 гг. в СССР были арестованы около 40 членов Союза.

Представляет интерес оценка заместителя начальника Иностранного отдела ГУГБ С. М. Шпигельгласа, который инспектировал резидентуры в европейских странах и имел объективные материалы о состоянии российской эмиграции во второй половине 1930-х гг. Он принимал участие в организации похищения руководителя РОВС в Париже Е. К. Миллера и скептически оценивал роль этой эмигрантской организации и ее руководителя, подчеркивая, что «никакой ценности она не представляла, так как у объекта не было ни денег, ни международных связей, ни организации, ни людей»³⁰.

В период советско-финляндской войны начальник 5-го отдела РОВС генерал С. Ц. Добровольский пытался создать диверсионные группы из советских военнопленных, возглавляемые офицерами РОВС. Удалось подготовить и направить на фронт только один отряд численностью около 30 человек, хотя бывших бойцов Красной армии, проходивших обучение, было в несколько раз больше. Быстрое окончание войны не позволило ввести в действие другие отряды.

В целом можно отметить, что подрывная деятельность спецслужб иностранных государств и эмигрантских центров во второй половине 1930-х гг. не носила широкомасштабного характера и не представляла реальной угрозы безопасности СССР.

Борьба с вооруженным националистическим подпольем

1 сентября 1939 г., с началом германо-польской войны, И. В. Сталин провел совещания с руководством военного и чекистского ведомств³¹. На органы НКВД, прежде всего на военную контрразведку, была возложена задача обеспечения скрытности проводимых командованием РККА мер, в частности реализации директивы наркома обороны от 6 сентября 1939 г. о проведении мобилизации в семи военных округах и создании Белорусского и Украинского фронтов³².

Еще более интенсивно сотрудники особых отделов стали проводить агентурно-оперативную работу после получения в штабах фронтов приказа наркома обороны и начальника

Генштаба от 9 сентября. Согласно этому приказу, следовало быть готовыми к наступлению с целью разгромить противостоящие польские войска.

Нарком внутренних дел Л. П. Берия 8 сентября подписал приказ о создании пяти оперативно-чекистских групп в КВО и БВО. Всего в оперативных группах насчитывалось 460 оперативников, технических специалистов и оперативно-политических работников из наркоматов внутренних дел УССР и БССР. Дополнительно из центрального аппарата НКВД выехали в Киев и Минск еще 50 человек. Руководить опергруппами поручалось заместителю наркома — начальнику ГУГБ НКВД СССР В. Н. Меркулову (в Киеве) и начальнику Особого отдела НКВД СССР В. М. Бочкову (в Минске)³³. Для выполнения специальных заданий в распоряжение каждой группы выделялись по 300 военнослужащих пограничных войск. В целях предупреждения утечки информации директива об оперативных мероприятиях была выдана на руки В. Н. Меркулову, И. А. Серову, В. М. Бочкову, Л. Ф. Цанаву. В свою очередь, указанные должностные лица обязывались ознакомить с содержанием документа первых секретарей ЦК компартий Украины и Белоруссии, а также командующих фронтами.

В соответствии с директивой оперативные группы должны были продвигаться вместе с передовыми частями Красной армии, создавать в занятых нашими войсками местностях временные органы власти, а также во всех значительных населенных пунктах — аппарат НКВД. В их обязанности входили задачи: немедленно занимать все учреждения связи (телеграф, телефонные станции, радиоузлы, почты) и ставить для руководства ими надежных лиц, захватывать все государственные и частные банки, правительственные учреждения, типографии, редакции газет и оказывать содействие политическим органам армии в налаживании издания газет. Кроме того, оперативным группам поручались и оперативно-политические задачи, которые заключались в захвате всех архивов (особое внимание обращалось на экспозитуры — территориальные органы польской военной разведки — 2-го отдела Генерального штаба), жандармерии, полиции и пограничных учреждений, аресте наиболее реакционных представителей административного аппарата, жандармов, полицейских, разведчиков и контрразведчиков и их агентуры, руководства реакционных с коммунистической точки зрения политических организаций, эмигрантских структур националистической и белогвардейской направленности.

Опергруппам предстояло активно задействовать уже находившуюся на польской территории агентуру органов госбезопасности и разведаппаратов пограничных войск, а также приступить к созданию агентурно-осведомительной сети с расчетом контролировать создаваемые управленческие органы, нелегальные политические структуры. К негласной работе рекомендовалось привлекать лиц, арестованных ранее польскими властями за революционную и иную антиправительственную деятельность. В области следственной работы следовало вскрывать заранее созданные подпольные организации и группы противника, ставившие своей целью совершение диверсионных и террористических актов, саботажа и шпионажа. В директиве ставились также задачи по поддержанию общественного порядка в занятых областях³⁴.

Рано утром 17 сентября 1939 г. советские войска перешли государственную границу и практически не встретили сколько-нибудь серьезного сопротивления. Агентурная сеть польской разведки в приграничной полосе была парализована в ходе реализации имевшихся чекистских оперативных игр и разработок. Оперативные группы НКВД находились в зоне действия передовых частей Красной армии.

17 сентября был занят Тернополь (Тернополь), где оперативно-чекистская группа захватила помещение разведпункта³⁵ экспозитуры, ее архив и картотеки, а также часть личного состава. В руках чекистов оказалось большое количество личных и рабочих дел агентов и конфиденентов польских разведывательных и контрразведывательных органов. Как сообщили в Москву из НКВД Украинской ССР, захваченные документы позволили установить около 100 агентов на территории Винницкой и Каменец-Подольской областей и в отдельных районах Белорусской ССР.

Часть из них ранее уже была арестована, а остальных предстояло установить и задержать. На основе материалов архива были объявлены в розыск более 380 агентов и конфиденентов польской контрразведки, проживавших в Тарнопольской, Львовской, Станиславской и других областях Западной Украины³⁶. На 28 сентября только оперативной группой № 1 были арестованы 923 человека, из которых 513 полицейских, 28 жандармов, 31 секретный сотрудник полиции и контрразведки³⁷.

К концу ноября в Тарнополе удалось разыскать и задержать 60 агентов и содержателей конспиративных квартир польских спецслужб. Отдельные из арестованных были завербованы и использовались в дальнейшем в оперативных мероприятиях по основным линиям чекистской работы, а прежде всего для вскрытия подполья.

Оперативная группа № 2 арестовала 553 человека, в том числе бывшего премьер-министра Польши Л. Козловского, бывшего военного министра Малышевского, министра просвещения при Пилсудском С. Грабского. В короткий срок были завербованы 130 агентов, и, как отмечалось в одном из докладов, многие негласные сотрудники являлись перспективными³⁸.

По полученным от агентыры данным о готовящемся во Львове восстании чекисты начали разработку «Паутина». Главным фигурантом дела являлся генерал М. Янушайтис, для розыска которого привлекли командира корпуса польской армии, оборонявшего г. Львов, бригадного генерала В. Лангнера. Уже 27 октября 1939 г. Янушайтиса, проживавшего во Львове по поддельным документам, удалось арестовать на конспиративной квартире. Генерал рассказал следователям, что создавал нелегальную организацию, ставившую своей целью борьбу за восстановление Польши. Еще до занятия Львова советскими войсками он подготовил из числа военнослужащих диверсионно-разведывательные группы, а позднее часть из них перебросил в немецкую зону оккупации. В качестве своего заместителя и начальника штаба организации Янушайтис назвал генерала М. Боруца-Спеховича³⁹. Вскоре тот тоже был задержан в числе основных объектов разработки «Паутина».

В ходе допросов подследственных стало ясно, что они планировали организовать широкое повстанческое движение и развернуть диверсионную деятельность. Крупные повстанческие организации из числа офицеров и солдат бывшей польской армии уже были созданы в ряде городов. Они готовились к совершению диверсий, приуроченных к моменту начала восстания. Следует отметить, что само восстание предполагалось начать во время неминуемого и скорого (как полагали руководители подпольной организации) столкновения немецких войск с частями Красной армии⁴⁰.

Штаб организации установил связь с польским эмигрантским правительством во Франции и лично с его председателем генералом В. Сикорским. Последнему сообщили, что повстанческие организации в составе от 10 до 40 и более человек существуют в Тарнополе, Станиславе, Владимир-Вольнске, Кременце, Стрые, Бродах, Дрогобыче, Самборе, Ровно, Перемышле и других городах. Центр организации восстания располагал рядом складов оружия, предназначенного для повстанческих отрядов⁴¹.

Оперативные группы установили, что существовала связь между польскими подпольными организациями и нелегальными структурами украинских националистов (ОУН и УНДО) по поводу будущих широкомасштабных подрывных акций. В связи с этим было заведено агентурное дело «Блок», в рамках работы по которому уже к 27 октября 1939 г. удалось арестовать 22 человека из числа руководителей указанных организаций. Большую помощь чекистам в разработке «Блок» оказал вновь завербованный агент Галичанин. Он представил данные на кавалерийский отряд ОУН (более 500 человек), вывел сотрудников НКВД на вступившего в ОУН и возглавлявшего вооруженный отряд бывшего польского офицера Полищука, поддерживавшего связь с центром ОУН в Мюнхене и подозревавшегося в связи с немецкой разведкой⁴².

Кроме работы в области разведки и контрразведки, а также борьбы с повстанческой деятельностью на органы НКВД возлагалась и другая, масштабная по своему объему задача — организация работы с военнопленными. На территории западных районов СССР создавались восемь лагерей. Нарком внутренних дел обязывал должностных лиц, имеющих

отношение к военнопленным, обеспечить должный порядок деятельности пунктов и лагерей, надлежащую дисциплину и «хорошее обращение с пленными, обеспечение необходимым снабжением и разъяснительной работой»⁴³.

Однако указаний наркома было явно недостаточно. Требовалось обновить нормативно-правовую базу по вопросу о военнопленных. 20 сентября 1939 г. взамен действовавшего «Положения о военнопленных», утвержденного ЦИК и СНК СССР еще в марте 1931 г., было разработано новое. Экономический совет при СНК СССР одобрил его, и, не дожидаясь утверждения в Совнаркоме, НКВД принял его к исполнению. Приказом наркома от 19 сентября было образовано Управление по военнопленным (УПВ)⁴⁴.

Неподготовленность лагерей к приему большого числа военнопленных, отсутствие необходимых запасов продовольствия, грозившая эпидемиями антисанитария побудили высшее руководство СССР непосредственно решать возникшие проблемы. Политбюро ЦК ВКП(б) создало во главе с секретарем ЦК А. А. Ждановым специальную комиссию для рассмотрения вопроса о военнопленных. 3 октября 1939 г. в заинтересованные органы НКВД, а также командованию Белорусского и Украинского фронтов поступило секретное распоряжение за подписью И. В. Сталина. В нем говорилось о необходимости распустить по домам военнопленных солдат из числа украинцев, белорусов и других национальностей — уроженцев Западной Украины и Западной Белоруссии; 25 тысяч военнопленных направить на строительство дороги Новоград-Волынский — Корец — Львов; выделить в отдельную группу солдат, призванных с территории Польши, захваченной Германией, и содержать их в лагерях до переговоров с немцами об отправке на родину; для военнопленных офицеров организовать специальный лагерь, а старших офицеров от полковника и выше содержать отдельно. Для разведчиков, контрразведчиков, жандармов и полицейских требовалось организовать самостоятельный лагерь в Калининской области (г. Осташков)⁴⁵.

Фронтное командование и особенно аппараты НКВД СССР на занятой территории волновала еще одна проблема, связанная с военнопленными. Германские военные власти 18 сентября предложили передать на советскую сторону более 9 тыс. военнопленных польской армии — белорусов и украинцев по национальности. Через три недели речь зашла еще об 11 тыс. человек⁴⁶.

В ответ нарком внутренних дел Л. П. Берия предложил Политбюро ЦК ВКП(б) передать Германии 33 тыс. военнопленных — уроженцев центральных и западных областей Польши. Решение этого вопроса состоялось 13 октября 1939 г. Предлагалось создать обменные пункты и завершить работу в короткий срок — с 23 октября по 3 ноября. Органам госбезопасности предстояло провести глубокую фильтрацию передаваемого от немцев контингента военнопленных для выявления сотрудников польских спецслужб, а также агентуры германской разведки. Всем начальникам вновь образованных территориальных подразделений НКВД был направлен список из 359 немецких разведчиков и агентов, арестованных в Польше до начала боевых действий. Предполагалось, что отдельные из этих лиц могут быть влиты в общую массу передаваемых германским командованием военнопленных⁴⁷.

Кроме работы с военнопленными Политбюро ЦК ВКП(б) возложило на НКВД СССР также и реализацию принятого 4 декабря 1939 г. решения о выселении всех проживавших в Западной Украине и Западной Белоруссии осадников вместе с их семьями. Авторы такого рода меры исходили из того, что Союз осадников был создан по окончании советско-польской войны 1919–1921 гг. специальным законом польского правительства (утвержденного сеймом) и рассматривался как военно-политическая опора властей и пограничной стражи в отошедших к Польше украинских и белорусских областях. Целью насаждения осадников являлось укрепление пограничной полосы преданными государству элементами, создание боевых дружин для борьбы с революционным движением украинцев и белорусов, связанным с СССР. Осадники наделялись лучшими землями, и им предоставлялся ряд льгот⁴⁸. Советское руководство полагало, что осадники могут явиться опорой создаваемого подпольного движения и привлекаться для проведения диверсионно-террористической деятельности и шпионажа.

Первая депортация была назначена на 10 февраля 1940 г. Для ее организации из Москвы прибыла группа ответственных работников центрального аппарата НКВД. В Архангельскую, Вологодскую, Иркутскую, Омскую, Свердловскую, Молотовскую области, Коми АССР, Красноярский край были депортированы 139 590 поляков⁴⁹.

2 марта 1940 г. Совнарком СССР санкционировал выселение 22 тыс. семей офицеров бывшей польской армии, содержащихся в тюрьмах и лагерях, разведчиков, контрразведчиков, полицейских и жандармов, а также беженцев с территории Польши, отошедшей к Германии, пожелавших выехать в родные места, но не принятых германским правительством⁵⁰. 5 марта 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о расстреле более 22 тыс. польских военнопленных, что являлось ярким примером продолжения репрессивной политики, борьбы с потенциальной «пятой колонной», проводимой советским руководством в 1937–1938 гг. Накануне в записке Л. П. Берии на имя И. В. Сталина часть польских военнопленных характеризовалась «заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю»⁵¹. Это, безусловно, трагическая страница процесса «освоения» вновь приобретенных территорий Украины и Белоруссии.

Важно отметить, что в областях Западной Украины и Западной Белоруссии с октября 1939 г. начался процесс создания подпольных организаций, по типу напоминающих Польскую военную организацию (ПОВ) времен Первой мировой и советско-польской войн⁵². К примеру, генерал М. Янушайтис приступил к формированию конспиративных ячеек 22 сентября 1939 г., то есть в день капитуляции гарнизона г. Львова и прихода частей Красной армии. Один из его ближайших помощников генерал М. Боруца-Спехович показал на допросе в НКВД, что организация имела склад с оружием⁵³.

Одна из крупных подпольных организаций на территории Западной Белоруссии располагала 84 станковыми и 87 ручными пулеметами, 2 тыс. винтовок, более 8 тыс. гранат⁵⁴.

Объединить деятельность разрозненных групп, придать ей плановый характер являлось основной целью Союза вооруженной борьбы (СВБ), созданного 13 ноября 1939 г. в Париже новым верховным главнокомандующим польской армией генералом В. Сикорским⁵⁵. Устав СВБ, добытый НКВД оперативным путем, свидетельствовал о том, что создана организация, которая через непродолжительное время должна превратиться в достаточно мощную боевую силу, и с ней придется считаться при любом сценарии развития военно-политической обстановки. В пункте шестом устава прямо говорилось, что СВБ ведет «систематическую пропаганду и агитацию по возбуждению ненависти к оккупантам и призывает к борьбе с ними путем организации саботажа в учреждениях и на предприятиях, совершению террористических актов и диверсий»⁵⁶.

Вооруженное выступление предполагалось начать по приказу главного коменданта СВБ. Таким образом, начинался процесс создания разветвленных антисоветских подпольных боевых структур, способных существенным образом повлиять на начавшуюся политику советизации в западных областях Украины и Белоруссии. В занятых Красной армией местностях существовало не только польское, но также белорусское и украинское националистическое подполье. Последнее имело связь с немецкими политическими и военными органами и являлось в 1939 г. уже определенным рычагом влияния германских нацистов в регионе. Органами госбезопасности за несколько месяцев удалось выявить и арестовать несколько агентов немецкой разведки из числа оуновцев. Они показали, что переброшены на Западную Украину из Германии для подготовки вооруженного восстания⁵⁷.

В конце августа 1939 г. в Варшаву прибыла английская военная миссия, в состав которой входила большая группа не просто офицеров разведки, а специалистов в области диверсий и саботажа. Во главе ее стоял полковник К. Габбинс, будущий начальник SOE (Special Operations Executive) — управления разведывательно-подрывных операций⁵⁸. Англичане установили контакт с руководством польской разведки и обсудили возможные направления сотрудничества.

Через несколько дней после начала войны Габбинс и его группа из Варшавы выехали во Львов, а оттуда 17 сентября в Бухарест, где и были намечены планы развития дальнейшего

сотрудничества двух разведок. Именно в Бухаресте несколько позднее поляки организовали базу № 2 Союза вооруженной борьбы. Она стала центром подрывной работы на Западной Украине. Руководитель резидентуры английской разведки в Бухаресте капитан С. Карлтон находился в плотном контакте с поляками и, если не контролировал, то, как минимум, полностью был посвящен в оперативную деятельность базы СВБ. Сотрудничество двух спецслужб касалось сбора информации военного, политического и экономического характера об СССР⁵⁹.

Помимо сотрудничества с резидентурой «R» польской разведки в Бухаресте и базой № 2 СВБ англичане самостоятельно установили связь с подпольной организацией «Мушкетеры», действовавшей на занятой Германией и СССР территории Польши. Ее ячейки имелись в 32 городах⁶⁰. Это направление работы курировал непосредственно майор Г. Тэмплин — глава русской секции «Сикрет Интеллидженс Сервис». Английская разведка давала задания полякам по сбору информации о дислокации советских войск, экономической ситуации, особый интерес вызывали части воздушно-десантных войск.

В рамках резидентуры «R» и базы № 2 СВБ в Бухаресте функционировала особо засекреченная группа во главе с майором Ю. Беньковским, до сентября 1939 г. возглавлявшим экспедицию № 5 польской разведки во Львове⁶¹. Он непосредственно руководил подрезидентурами «Роман», «Стасия» и «Цезарь», которые действовали против СССР, обеспечивали переброску на Западную Украину курьеров, разведчиков и ответственных организаторов подпольной сети Союза вооруженной борьбы.

Видя в СВБ серьезного противника, НКВД СССР поручил своим органам на Украине и в Белоруссии незамедлительно предпринять необходимые меры, которые привели бы к двум взаимосвязанным результатам: во-первых, нейтрализации разведывательно-подрывной работы подпольной организации и, во-вторых, внедрению во всепольский центр СВБ в Варшаве и руководство Союза в Париже (а позднее — в Лондоне). Предполагалось даже взять под агентурный контроль действовавшую в немецкой зоне оккупации (генерал-губернаторстве) разведывательно-диверсионную сеть СВБ, а значит, польских спецслужб. Об этих планах Л. П. Берия доложил И. В. Сталину⁶².

28 марта 1941 г. нарком государственной безопасности СССР В. Н. Меркулов докладывал И. В. Сталину о том, что удалось вскрыть и ликвидировать свыше 500 польских антисоветских подпольных групп и организаций, были арестованы 15 409 человек (из них в западных областях УССР — 10 271, а БССР — 5138), захвачено 36 пулеметов, 1624 винтовки, 589 револьверов, 735 гранат, более 72 тыс. патронов. Нарком особо подчеркивал значимость установления контроля над семью радиопередатчиками. В конце декабря 1939 г. центральный штаб СВБ в Париже направил во Львов нового организатора подпольной работы бывшего майора Т. Стровского. У него имелись зашифрованные директивы и инструкции о подготовке вооруженного восстания, которое планировалось поднять к весне 1940 г. в расчете на то, что к этому времени союзники разгромят Германию и объявят войну СССР.

После ареста Т. Стровский дал исчерпывающие показания о своих контактах с главой польского правительства в изгнании генералом В. Сикорским, генералом К. Соснковским, начальником штаба СВБ полковником Г. Багиньским и другими важными персонами в Париже. Для чекистов безусловный интерес представляли переданные Т. Стровским слова генерала В. Сикорского о поддержке польского подполья со стороны военных и разведывательных структур Великобритании. В протоколе допроса Стровского от 19 марта 1940 г. говорилось: «При этом Сикорский почти дословно заявил следующее: «На ЗВЗ (СВБ) англичане дадут сколько угодно денег, будет нужно 5 миллионов фунтов стерлингов — дадут 5, будет нужно 50 — дадут 50, ибо они понимают, что ЗВЗ сможет своими диверсионными действиями воспрепятствовать выступлению СССР в помощь Германии или для реализации своих планов»⁶³.

12 января 1940 г. на основе агентурных данных органов госбезопасности пограничники задержали при переходе через границу из Румынии польских офицеров — братьев Юзефа и Станислава Жимерских, также являвшихся представителями центрального штаба СВБ. При них обнаружили зашифрованные инструкции и приказы. Показания братьев, а также Т. Стровского, расшифровка с их помощью секретных документов позволили полностью

установить структуру и формы подрывной деятельности Союза вооруженной борьбы и на этой основе активизировать проведение агентурных и следственных действий. Ряд подпольщиков СВБ чекисты перевербовали и использовали для завязывания оперативных игр с противником. Польский историк А. Пеплоньский даже утверждает, что сотрудники советских органов госбезопасности завербовали одного из главных руководителей львовского округа СВБ майора Е. Мачелиньского, работавшего под псевдонимом Корнель⁶⁴.

Если это соответствует действительности, то не без помощи Корнеля произошел разгром штаба СВБ во Львове в марте 1940 г. Тогда арестовали заместителя окружного командира СВБ подполковника К. Дзекановского (Кароль, Корвин, Надольский), начальника штаба Вице-Жерчевского и других. Глава организации полковник В. Жебровский (Жук, Ясеньчик, Дембиньский) был убит при попытке перейти границу в Румынию⁶⁵.

В 1940 г. под ударами НКВД практически прекратил существование еще один центр СВБ. Он действовал на территории Литовской Республики (г. Вильно) и выполнял те же функции, что и база № 2 СВБ в Бухаресте. Всего в Вильно были арестованы 995 участников польских нелегальных групп, большинство из которых подчинялись СВБ⁶⁶.

В ходе разгрома в марте — мае 1940 г. некоторых руководящих центров СВБ и открывшихся при этом возможностей были взяты под контроль несколько линий связи со штабом организации в Париже, включая коротковолновые радиостанции, явочные квартиры и переправочные пункты на границе с Румынией. Все это позволило во второй половине года захватить всех основных эмиссаров и курьеров, всего 29 человек. В декабре 1940 г. сотрудники УНКВД по Черновицкой области установили четыре явочные квартиры бухарестской базы СВБ, задержали пять курьеров, изъяли почти 4 тыс. американских долларов, кошелек запасных деталей для радиостанции, более 8 тыс. антисоветских листовок. Оперативная и следственная работа УНКВД в Белостоке привела к аресту в ноябре практически всего окружного руководства СВБ во главе с комендантом А. Игла-Иглевским (Скавронек, Суло) — опытным диверсантом, прошедшим специальную подготовку во 2-м (разведывательном) отделе польского генштаба⁶⁷.

Взамен арестованного А. Игла-Иглевского из Варшавы был послан бывший комендант Люблинского округа СВБ майор Ю. Спихальский (Витольд, Сорока, Старый)⁶⁸. Но и он вскоре оказался во внутренней тюрьме НКГБ, где дал подробные показания. В итоге в западных областях БССР были арестованы 59 руководителей и активных участников подпольных, подчиненных СВБ организаций в Белостокском округе. После понесенных серьезнейших потерь главный комендант СВБ генерал К. Соснковский издал директиву для «советской зоны оккупации». В ней отмечалось, что «хотя подготовка восстания остается главной задачей, но как лозунг более или менее ближайшего будущего снимается»⁶⁹. Этот фрагмент директивы, перехваченный сотрудниками госбезопасности, свидетельствовал об эффективности предпринятого комплекса мер.

Еще одна директива из парижского центра СВБ призывала оставшихся на свободе руководителей ячеек перейти к актам саботажа и диверсий на железнодорожном транспорте, причем делать это в местностях, где низок процент польского населения, чтобы избежать ответных репрессий. В ряде шифровок, переданных на контролируемые НКВД радиостанции, указывалось на необходимость активизировать усилия по разведке и диверсиям, поскольку это укрепляет авторитет эмигрантского правительства и лично В. Сикорского как главнокомандующего в глазах англичан.

За три месяца до начала Великой Отечественной войны нарком госбезопасности В. Н. Меркулов доложил И. В. Сталину, В. М. Молотову и Л. П. Берии план дальнейших действий НКГБ. Он базировался на достигнутых результатах, а потому был вполне реалистичен. Предполагалось, в частности, взять под контроль всю работу СВБ в СССР, линии связи на Варшаву и Лондон, захватить в свои руки руководящие посты в структурах СВБ за границей, переориентировать их на борьбу против Германии. Однако указанные мероприятия до 22 июня 1941 г. удалось реализовать лишь частично.

На территории Западной Украины значительное влияние имела Организация украинских националистов (ОУН), отстаивавшая идею создания независимой Украины. В результате проведения чекистско-войсковых операций были разгромлены некоторые формирования украинских националистов. В оперативных отчетах отмечалось, что агенты и эмиссары этой организации в случае их обнаружения ожесточенно и фанатично сопротивлялись до последнего патрона, предпочитая смерть сдаче в плен. В процессе разработки ОУН проявилось взаимодействие КРО и Иностранного отдела (ИНО). Зарубежные резидентуры ИНО передали в сентябре 1939 г. контрразведывательным подразделениям различных материалов на 12 тыс. человек, входивших в националистические организации.

Достаточно эффективно в этих регионах удалось начать работу по агентурному проникновению в националистическое подполье, руководители которого опирались на помощь прежде всего германских спецслужб. Только за период с 25 по 28 ноября 1940 г. после выполнения оперативных заданий возвратились закордонные агенты Украинец, Виноградов, Гром, Око. Последний получил задание от германских спецслужб взять под свой контроль деятельность подпольных организаций в одном из районов Западной Украины.

Германские спецслужбы устанавливали контакты с ОУН. За несколько дней до начала Великой Отечественной войны отделом абвера в Румынии был разработан проект задания для групп украинских националистов А. Мельника и С. Бандеры на случай войны с СССР. Предусматривалось, что эти группы общей численностью 500–1000 человек, подготовленные немецкими военнослужащими на территории рейха, должны «помешать наступлению русских и нарушить их связь с тылом». Для решения данной задачи перед группами ставились следующие диверсионно-террористические задачи: «перерезать телефонные и электрические провода, арестовывать и ликвидировать комиссаров и офицеров, нападать на колонны обозов, уничтожать самолеты на аэродромах, прокалывать и резать автомобильные покрышки, совершать поджоги в местах расквартирования военных и тушить пожары на важных для немецкой армии объектах, охранять военные объекты... распространять листовки и призывать к восстаниям»⁷⁰.

За период с осени 1939 по весну 1941 г. на территории Западной Украины были раскрыты 293 националистические организации и арестованы 7625 человек.

В декабре 1940 г. Л. П. Берия сообщал И. В. Сталину, что на 1 декабря на территории западных областей Украины и Белоруссии арестованы 90 407 «враждебных элементов», а выселено в Казахстан и другие регионы — 275 764 человека. В связи с работой германских комиссий по переселению было принято решение, что лица, подавшие заявления о желании принять гражданство Германии, но получившие отказ, также подлежат выселению в тыловые районы, их общее число составляло 80 397 человек. Практически оперативные силы органов госбезопасности были брошены на очищение данных территорий от антисоветских и враждебных элементов, что полностью соответствовало установкам «чистки» периода массовых репрессий 1937–1938 гг. До конца 1940 г. 292 513 бывших польских граждан были депортированы в отдаленные северные и восточные районы СССР⁷¹.

Со второй половины 1940 г. сотрудники контрразведывательных подразделений наркоматов внутренних дел Латвии, Литвы, Эстонии начали активно проводить аресты участников антисоветского сопротивления. Например, на 10 мая 1941 г. в Литве были арестованы более 300 человек, входивших в литовский филиал Союза вооруженной борьбы. 15 мая нарком госбезопасности В. Н. Меркулов докладывал И. В. Сталину о многочисленных арестах членов Латышского национального легиона, «Стража отечества», Латвийского народного объединения.

Но главным средством в борьбе с участниками антисоветского сопротивления стали апробированные ранее массовые депортации. 17 июня 1941 г. руководитель НКГБ сообщал об итогах операции по арестам и выселению «антисоветских элементов» из Прибалтийских республик. Всего были репрессированы 40 178 человек, из них арестованы 14 467. Среди депортированных почти 90% составляли члены семей арестованных⁷².

Деятельность контрразведывательных органов против разведывательно-подрывных акций японских спецслужб

Подрывную деятельность против СССР специальные службы Японии осуществляли непосредственно через государственную границу, а также используя возможности своих посольства, консульств, представительств различных информационных агентств и газет, торговых и транспортных компаний, концессионных предприятий.

В предвоенный период деятельность органов безопасности по борьбе с подрывной работой японских спецслужб осуществлялась на следующих основных направлениях: оперативное прикрытие государственной границы; приобретение агентуры из числа жителей приграничных населенных пунктов на советской территории, в Маньчжурии, Монголии и Корее; организация фильтрационной работы с нарушителями границы и перебежчиками; использование населения приграничных районов в охране государственной границы; выселение из приграничных районов иностранных граждан и так называемых антисоветских элементов; проникновение в японские спецслужбы и белоэмигрантские организации; выявление и разоблачение находившихся на российской территории японских разведчиков и агентов.

Организация оперативного прикрытия государственной границы строилась с учетом правил, регулировавших пребывание в пограничной полосе, порядка войсковой охраны госграницы пограничными нарядами с целью пресечения не только нелегального перехода границы отдельными японскими разведчиками и агентами, диверсионно-террористическими группами, перебежчиками, но и предотвращения проникновения на российскую территорию японских и китайских воинских подразделений и отдельных групп военнослужащих, корейских и китайских партизанских отрядов.

Вместе с тем инциденты подобного рода на дальневосточных границах СССР в исследуемый период были не единичными. Так, только за неполные восемь месяцев 1938 г. военнослужащими японских вооруженных сил было совершено нарушений границы: на суше — 124, на море — 120, воздушного пространства — 40. За это же время ими было спровоцировано 19 боевых столкновений⁷³. Летом в 1938 и 1939 гг. на советско-японской границе у озера Хасан и на маньчжуро-монгольской границе у р. Халхин-Гол произошли масштабные вооруженные конфликты. В общей сложности с 1931 г. по 1941 г. произошло 306 значительных боевых столкновений советских пограничников с японцами⁷⁴.

Кроме того, со второй половины 1930-х гг. органы безопасности и военной разведки активно взаимодействовали для оказания поддержки китайскому партизанскому движению в Маньчжурии. 15 апреля 1939 г. народный комиссар внутренних дел Л. П. Берия и народный комиссар обороны К. Е. Ворошилов в целях наиболее полного использования партизанского движения и его дальнейшего организационного укрепления подписали указание военным советам 1-й и 2-й отдельных Краснознаменных армий оказывать партизанам помощь оружием, боеприпасами, продовольствием и медикаментами иностранного происхождения или в обезличенном виде, а также руководить их работой, формировать из числа интернированных партизан небольшие группы и перебрасывать обратно в Маньчжурию в разведывательных целях. Начальникам УНКВД Хабаровского и Приморского краев, Читинской области предлагалось оказывать военным советам полное содействие в проводимой работе, в частности в проверке и отборе переходивших со стороны Маньчжурии и интернированных партизан и передаче их для использования в разведывательных целях и переброски обратно в Маньчжурию. Начальникам погранвойск указанных округов предписывалось оказывать помощь военным советам как в части свободной переправы перебрасываемых на территорию Маньчжурии сформированных групп, так и в части приема переходящих советскую границу партизанских групп и отдельных связников⁷⁵.

Контрразведывательная работа в пограничных районах осуществлялась местными территориальными органами безопасности совместно с органами погранохраны, особыми

отделами и отделениями армии и флота, транспортными органами, дислоцировавшимися на территории этих районов. В соответствии с подготовленными планами, в которых отрабатывались задачи каждого органа при проведении операций по обнаружению, задержанию и фильтрации нарушителей границы, оговаривались способы взаимодействия и координации усилий, определялись условия привлечения органов милиции, частей РККА. Осуществлялся взаимный обмен информацией по оперативным вопросам, о тактике, формах и методах подрывной деятельности японских спецслужб⁷⁶.

Неоднократно в документах Центра, а также органов безопасности на местах поднимался вопрос о налаживании эффективной координации и взаимодействия, принимались меры к его решению. Однако необходимо отметить, что постоянной согласованности в деятельности перечисленных органов в 1930-х гг. не всегда удавалось достичь. Так, например, 10 июня 1934 г. заместитель начальника Иностранного отдела полномочного представительства (ПП) ОГПУ ДВК Б. Д. Богданов в письме заместителю начальника Особого отдела (ОО) ПП и ОКДВА С. А. Барминскому и начальнику Управления пограничной охраны (УПО) В. В. Чернышеву отмечал, что по сводкам ИНО (направлявшимся в ОО и УПО) проходили два красноармейца в Чите и Хабаровске. Также он указал, что «оба эти лица неоднократно фигурировали как японские агенты, однако до сих пор мы не осведомлены о результатах их установки и разработки»⁷⁷.

Вербовка агентов и осведомителей из числа жителей приграничных населенных пунктов производилась в целях выявления и задержания нарушителей государственной границы в пограничной полосе на наиболее вероятных направлениях их движения, в местах возможного укрытия, а также установления лиц, способствовавших переходу границы японскими разведчиками и агентами.

Систематически на границе задерживались контрабандисты, которые либо решали разведывательные задачи, либо по заданию спецслужб и эмигрантских центров занимались переправой антисоветской литературы. В июле 1937 г. начальник УНКВД ДВК докладывал о том, что при переходе границы задержан китаец, у которого были обнаружены 2 кг опиума и антисоветские листовки. Кроме того, на Дальнем Востоке пограничники систематически вылавливали в Амуре бутылки с листовками. Японцы распространяли их на советской территории и с помощью воздушных шаров⁷⁸.

Учитывая, что нелегальную заброску разведчиков и агентов в СССР японские спецслужбы осуществляли главным образом через советско-китайскую и советско-корейскую границы, оперативными подразделениями органов безопасности совместно с органами погранохраны проводились проверка и неотложные следственные действия при задержании на границе нарушителей. Следствие по ним чаще всего велось в сочетании с оперативными мероприятиями, использованием данных об устремлениях иностранных спецслужб, формах и методах их подрывной работы и другой информации⁷⁹. В процессе ведения следствия в отношении нарушителей госграницы органы безопасности получали информацию об оперативной обстановке в интересовавшем их районе сопредельной стороны, данные о подготовке агентов, предназначенных для переброски на советскую территорию, о состоявшихся перебросках, в некоторых случаях органы безопасности получали информацию в отношении конкретных агентов японских спецслужб из числа советских жителей.

Летом 1934 г. дезертировавший из части и сбежавший в Маньчжурию красноармеец был перебросен нелегально японской военной миссией с заданием собрать сведения о дислокации и численности воинских частей в Дальневосточном крае, привезти в Харбин фрагмент строительного материала, из которого возводились оборонные точки. Его снабдили маленьким фотоаппаратом с пленкой, а для беспрепятственного прохождения границы при возвращении в Харбин при нем имелся специальный пропуск, вшитый в подкладку пиджака⁸⁰. В ходе следствия была получена значимая информация разведывательного и контрразведывательного характера.

В 1940 г. в Амурской области при переходе государственной границы из Маньчжурии была задержана китаянка, которая призналась, что была направлена в СССР японской раз-

ведкой и имела задание установить связь с одним советским гражданином. Указанное лицо было взято в разработку, и после подтверждения его преступной деятельности задержано.

На основе обобщения и анализа результатов деятельности по задержанию нарушителей государственной границы и выявлению среди них агентуры японских спецслужб готовились и рассылались в органы безопасности на местах указания по совершенствованию этой деятельности (например, указание разведотдела Управления пограничных войск НКВД Приморского округа от 21 апреля 1939 г. № 1530 начальникам погранотрядов по активизации борьбы с японской разведкой, указание разведотдела пограничных войск НКВД Хабаровского округа от 27 апреля 1939 г. начальникам погранотрядов о пресечении подрывной деятельности японских военных миссий против СССР и другие)⁸¹.

Наряду с положительными результатами по выявлению среди нарушителей государственной границы разведчиков и агентов японских спецслужб в этой работе имелись и недостатки, сводившиеся к тому, что не всегда опрос задержанных нарушителей был всесторонним, глубоким и квалифицированным, нерегулярно в отношении них проводились необходимые оперативные мероприятия. Вследствие этого органы безопасности лишились возможности получения определенной информации разведывательного и контрразведывательного характера.

В создании надежной системы охраны государственной границы большую роль играла связь органов безопасности с жителями приграничных населенных пунктов. В апреле 1939 г. была введена в действие «Инструкция об организации и порядке привлечения местного населения пограничной полосы для помощи в охране границы пограничными войсками НКВД». В пограничных населенных пунктах, на предприятиях, в совхозах, колхозах и МТС начальниками пограничных частей и подразделений стали создаваться бригады содействия. В их состав включались на добровольных началах политически проверенные жители пограничной полосы, способные помогать пограничным войскам в охране границы. Все лица, включенные в бригады содействия, подлежали тщательной и систематической проверке через агентуру и личную командирскую разведку. Отличившиеся в содействии пограничным войскам поощрялись командованием и представлялись к правительственным наградам.

25 декабря 1940 г. НКВД СССР издал приказ «Об усилении работы с осведомлением и бригадами содействия в погранполосе», где констатировалось, что оперативная обстановка на границах СССР требует привлечения в помощь пограничным войскам широких масс проверенного трудового населения пограничной полосы в соответствии с приказом НКВД СССР 1939 г. Кроме того, предписывалось всем военнослужащим пограничных частей в процессе общения с местным населением по делам службы, партийно-политической работы, хозяйственным и прочим вести личную разведку по вопросам, связанным с охраной границы (выявление нарушителей границы и их пособников, выявление лиц, прибывших без надлежащего разрешения в погранполосу, выявление контрабандистов и готовящихся нарушений границы), собранные сведения своевременно представлять по команде начальникам застав, комендантам участков или начальникам пограничных отрядов. К апрелю 1941 г. пограничными войсками дальневосточных округов было создано 322 бригады содействия, в которых насчитывалось 10 422 члена⁸².

Во второй половине 1930-х — начале 1940-х гг. местное население оказывало значительную помощь пограничным войскам Дальнего Востока в охране границы. Так, например, в марте 1938 г. группа колхозников села Турий Рог (Приморский край) в пограничной зоне задержала трех нарушителей границы. В марте — мае 1940 г. по одному нарушителю госграницы задержали советские граждане Урывский, Соколова, Седякин (Хабаровский край). В феврале 1941 г. указом Президиума Верховного Совета СССР медалью «За боевые заслуги» были награждены граждане Кальченко (Амурская область) и Ярославцев (Хабаровский край)⁸³. С начала 1939 по июнь 1941 г. членам бригад содействия трех дальневосточных пограничных округов удалось задержать 291 нарушителя государственной границы.

В интересах охраны государственной границы со второй половины 1920-х гг. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло ряд решений по отселению из пограничных районов так называемых

«антисоветских элементов», а также иностранцев, значительное количество которых проживало в этих районах и которые, по мнению органов безопасности, «могли бы составить кадры для шпионско-диверсионной деятельности противника».

В период проведения паспортизации на советском Дальнем Востоке в конце 1933—1934 г. в связи с установлением режимных пограничных зон была проведена «чистка» сельского населения. В этих районах края в основном проживали амурские, уссурийские, забайкальские казаки и зажиточное крестьянство, которые в большинстве своем отрицательно относились к советской власти и проводившейся коллективизации. Выявленные «неблагонадежные» крестьяне были в административном порядке выселены из края. К осени 1934 г. 40,3 тыс. человек были вынуждены покинуть места своего проживания, в основном это были сельские жители⁸⁴.

21 августа 1937 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б), рассмотрев «корейский вопрос», приняли постановление № 1428-32сс, в котором «в целях пресечения проникновения японского шпионажа в ДВК» Далькрайкому ВКП(б), Далькрайисполкому и УНКВД ДВК предписывалось выселить все корейское население пограничных районов Дальневосточного края⁸⁵. СНК СССР и ЦК ВКП(б) также разрешили увеличить количество пограничных войск на 3 тыс. человек для уплотнения охраны границы в районах, из которых перечислялись корейцы, и разместить пограничников в освобождаемых корейцами помещениях.

29 сентября 1937 г. Далькрайком ВКП(б), Далькрайисполком и УНКВД ДВК направили райкомам, райисполкомам и райотделениям НКВД директиву № 54/с о реализации вышеуказанных решений. При этом руководство операциями по переселению в районах возлагалось на тройки в составе уполномоченных крайкома ВКП(б), крайисполкома и Управления НКВД. Переселение предписывалось закончить до 25 октября⁸⁶.

Во исполнение постановления № 1428-32сс и других принятых в его развитие решений советские и партийные органы ДВК, органы безопасности организовали переселение корейского населения в Казахскую и Узбекскую ССР, корейцам, изъявившим желание, был разрешен выезд за границу, для чего устанавливался упрощенный порядок. В ходе проведения так называемой «корейской операции» репрессировались советские работники, которые допускали отклонение от календарного плана выселения корейцев. Так, 10 сентября 1937 г. был арестован председатель Приморского исполкома М. П. Вольский, обвиненный в шпионаже в пользу Японии⁸⁷.

28 сентября 1937 г. СНК СССР постановил выселить со всей территории Дальневосточного края всех оставшихся корейцев. Выселение предписывалось провести в течение октября 1937 г. в порядке, установленном для первой очереди выселения: на территорию Казахской ССР — 12 тыс. хозяйств и на территорию Узбекской ССР — 9 тыс. хозяйств⁸⁸. 29 октября 1937 г. начальник УНКВД ДВК Г. С. Люшков доложил И. В. Сталину о том, что 25 октября 1937 г. выселение корейцев из ДВК закончено. Всего было выселено 36 442 семьи в составе 171 781 человека. Осталось на ДВК (Камчатка, Охотск, спецпереселенцы) всего 700 человек, которых планировалось вывезти сборным эшеленом к 1 ноября 1937 г.⁸⁹ Вместе с корейцами были высланы 7 тыс. китайцев, по несколько сотен немцев, поляков и прибалтов, около тысячи харбинских репатриантов.

Для своевременного и эффективного выявления и пресечения разведывательной и иной подрывной деятельности японских спецслужб, а также используемых ими белоэмигрантских организаций прежде всего было необходимо своевременно добывать данные об их устремлениях, отборе, подготовке и предполагаемой заброске агентов в СССР, о каналах их проникновения. Агентура органам безопасности была необходима также для изучения руководящего и рядового состава разведывательных органов Японии и белоэмигрантских организаций; лиц, связанных с обучением, подготовкой и нелегальной переброской агентов в СССР; получения военной, экономической и политической информации о Японии; изучения процессов, проходивших в среде белой эмиграции; выявления планов проведения активных подрывных акций против СССР.

Одним из эффективных способов решения указанных задач практически до конца 1930-х гг. было проведение оперативных игр (легендированных разработок) с японской

разведкой и связанными с ней русскими эмигрантскими организациями. Легендированные разработки, осуществлявшиеся разведывательными и контрразведывательными подразделениями органов безопасности, давали возможность выявлять органы японских спецслужб, проводившие подрывную работу против СССР, вскрывать их устремления, замыслы, методы работы. В ходе игр удавалось вынуждать японские спецслужбы работать вхолостую в отношении их интересов к объектам заинтересованности. Иногда удавалось формировать у японской разведки уверенность в осуществлении безнаказанного перехода границы в местах, контролировавшихся органами безопасности.

Так, в июне 1924 г. органы безопасности начали агентурную разработку «Маки — Мираж». Основанием для этого послужили сведения от сахалинской резидентуры КРО полпредства ОГПУ ДВО о том, что проживавшие в г. Сахалине японцы Симамура — неофициальный японский консульский агент, Кумазава — владелец гостиницы «Сибирь», Миязаки — владелец аптеки занимались контрабандой товаров бытового назначения на советскую территорию. Одновременно они организовывали нелегальные переправы жителей советского Дальнего Востока в Маньчжурию, а также осуществляли сбор разведывательной информации об СССР. В ходе разработки в агентурную сеть японской разведки были введены квалифицированные агенты органов безопасности. Кроме того, в Хабаровске была создана легендированная группа из агентов, выступавших в роли военнослужащих частей и штаба ОКДВА, сотрудников государственных и хозяйственных учреждений. Разработка была завершена в 1938 г. В результате проведенных оперативных мероприятий органами безопасности были задержаны 55 агентов японской разведки из числа корейцев и китайцев — жителей советского Дальнего Востока, выявлены 830 активных белоэмигрантов, контрабандистов и нарушителей границы и 64 человека, подозревавшихся в принадлежности к агентуре японских спецслужб. От японской разведки в качестве вознаграждения было получено 81 450 советских рублей и 830 рублей в иностранной валюте⁹⁰.

В 1931—1935 гг. полномочное представительство ОГПУ в Восточно-Сибирском крае осуществляло операцию «Мечтатели», в результате которой несколько лет органы безопасности снабжали японскую военную миссию в Харбине и белоэмигрантские организации в Маньчжурии РОВС и БРП дезинформационными материалами. А закончилась операция в марте 1935 г. захватом на советской территории разведывательно-диверсионной группы японских спецслужб из числа белоэмигрантов И. В. Кобылкина и Е. Л. Переладова. У них было изъято два револьвера «маузер», один «браунинг» с патронами к ним, антисоветская литература, советские рубли и американские доллары⁹¹.

В ходе разработки «Организаторы», проводившейся УНКВД ДВК в течение 1934—1937 гг., удалось выявить резидентуры японской разведки, работавшие на территории СССР под легальным прикрытием⁹².

Дезинформационные материалы для использования по легендированным разработкам готовились Разведывательным отделом штаба ОКДВА и Особым отделом ПП и ОКДВА под контролем Разведывательного управления Штаба РККА и линейных подразделений Центрального аппарата ОГПУ — НКВД. Однако несовершенство процесса разработки и доведения до иностранных разведцентров дезинформации, а также требования некоторых спецслужб проводить диверсионные акты стали причинами постепенного свертывания легендированных разработок. Так, на допросе в августе 1937 г. арестованный бывший начальник японского отделения КРО ГУГБ НКВД СССР И. М. Николаев-Рамберг заявлял, что все легендированные агентурные разработки в отделении не давали никаких оперативных результатов, а дезинформационные материалы, передававшиеся японским спецслужбам, на 60—70% содержали достоверную информацию.

Органы безопасности также проводили активную работу по вербовке кадровых сотрудников, агентов японских спецслужб, подготовленных за рубежом, а также агентов, завербованных японскими разведками из числа советских жителей непосредственно в СССР. Например, агентом органов безопасности был установлен контакт с одной из эмигранток, работавшей машинисткой в фирме «Кокусай» и располагавшей связями среди русской эмиграции на

станциях Пограничная и Мулин. Предоставляемая ею информация перепроверялась через другие источники и находила свое подтверждение. Лояльное отношение к СССР, объективно предоставляемая эмигранткой информация позволили агенту в дальнейшем привлечь ее к сотрудничеству в качестве секретного осведомителя и получать информацию по русской эмиграции, о вооружении, численности и передислокации японских воинских частей на этих станциях.

Завербовав в 1936 г. сотрудника жандармерии в одном из маньчжурских городов, японца по национальности, органам безопасности удалось с его помощью выявить всю русскую агентуру жандармерии, двух завербованных машинистов поездов, убывших в СССР (один из них впоследствии был установлен в г. Саратове и взят в проверку), а также проводить выемку документов жандармерии.

Органы безопасности также осуществляли нелегальный вывод агентуры в Маньчжурию и Корею, в населенные пункты, где находились японские разведывательные центры (консульства, японские военные миссии, штабы японских и китайских войск и т. п.) и русские эмигрантские организации.

В рамках работы по разработке японской военной миссии в г. Фукдине в 1936 г. через направленных за кордон источников были установлены при переходе на советскую территорию белоэмигранты Попов и Арестуолов, имевшие диверсионно-разведывательные задания от японской разведки. При задержании у Попова были изъяты два «маузера», 163 патрона, большое количество контрреволюционной литературы. Арестуолову удалось скрыться, однако в результате этой неудачной вылазки он был скомпрометирован и впоследствии арестован японцами⁹³.

Мероприятия органов безопасности по проникновению в японские спецслужбы были неразрывно связаны с таким направлением оперативной деятельности органов безопасности, как выявление разведчиков и агентов иностранных спецслужб, проживавших на территории СССР и занимавшихся разведывательной и иной подрывной деятельностью, а также пресечением этой деятельности. Работа эта включала в себя целый комплекс контрразведывательных мероприятий.

Розыск японской агентуры, засылавшейся по нелегальным каналам на советскую территорию, осуществлялся органами безопасности на Дальнем Востоке на основании ориентировок Центра, данных, полученных от закордонных разведчиков и агентов, показаний разоблаченных в СССР агентов японских спецслужб, заявлений советских жителей, сообщений партийных и государственных органов, учреждений и организаций⁹⁴. Так, в рамках работы по агентурному делу «Молодые» в 1936 г. по информации закордонных агентов на советской территории были задержаны японские агенты, члены Российского фашистского союза Ющенко, Данилов и Голубев, перехвачены несколько пудов фашистской литературы и письма к двум жителям станции Облучье, а также предотвращена попытка изъятия документов из советского консульства в Маньчжурии.

В сентябре 1936 г. в Дальневосточном крае, реализуя разведывательную информацию, органами безопасности был уничтожен отряд из 40 членов РФС под командованием бывшего поручика Белой армии Маслакова. Около станции Алгазар Амурской железной дороги отряд был разбит, а Маслаков убит в перестрелке. Начальник УНКВД предложил в связи с этим провести ряд оперативных мероприятий, включая подпольное издание в Харбине листовок со сведениями о разгроме банды, в целях предотвращения новых вылазок⁹⁵.

Задержанный при переходе границы агент японской разведки русский эмигрант Т. сообщил, что кроме сбора информации военно-экономического характера он имел задание установить связь с проживающим в Приморском крае японским агентом З., к которому японская военная миссия дала явку, и получить от него интересующую разведку информацию. З. действительно проживал в г. Уссурийске и разрабатывался по подозрению в шпионаже. Основанием для его разработки послужили данные о том, что он, проживая в 1935–1936 гг. в г. Спасске, поддерживал переписку с женой секретаря японского консульства в Хабаровске.

Выявление из числа советских жителей лиц, подозреваемых в принадлежности к агентуре японских спецслужб, было сложным и трудоемким процессом. Весьма серьезное значение в ходе этого придавалось контрразведывательной работе в отношении лиц, имевших подозрительные контакты с японцами, родственники или знакомые которых проживали за границей и имели отношение к спецслужбам Японии или белоэмигрантским организациям, негативно настроенных по отношению к советскому строю, проявлявших не связанный со служебной деятельностью интерес к сведениям секретного характера и прочее⁹⁶. Материалы о подозрительном поведении таких лиц органы безопасности получали через оперативные возможности, от агентуры, из заявлений жителей СССР.

Например, в 1940 г. был задержан агент японской разведки Т., который на следствии показал, что, совершив в 1933 г. в г. Хабаровске грабеж кассы, он вместе со своим сообщником Н. бежал в Харбин, где был завербован японской разведкой. При переброске Т. на территорию СССР японские разведчики сообщили ему адрес брата и сестры Н., у которых Т. мог остановиться. Для проверки этих данных брат и сестра были взяты в разработку, в процессе которой удалось установить лиц, которые способствовали побегу Н. за границу, а также получить материалы о том, что брат и сестра знали о намерении Н. бежать за границу, были осведомлены о его пребывании на советской территории в 1936 г. в составе бандгруппы, ждали, что к ним придут из-за границы от имени брата.

Имея информацию о том, что японская разведка в своей подрывной деятельности активно использовала перебежчиков из СССР и контрабандистов, оперативные работники органов безопасности в процессе контрразведывательной работы предпринимали меры к предотвращению попыток отдельных советских жителей совершить нелегальный переход государственной границы в Маньчжурию или Корею. Однако факты перехода не были исключением в начале 1930-х гг. В эти годы количество нарушителей государственной границы исчислялось десятками и сотнями человек. Корейцы, китайцы, удэгейцы, коряки, русские, немцы и представители других национальностей переходили государственную границу, и отдельные из них не попадали в поле зрения органов безопасности.

Немаловажное значение придавалось контрразведывательной работе среди команд рыболовецких и торговых судов. В предвоенный период российские торговые суда регулярно посещали корейские, китайские и японские порты. Во время путинь российских рыбаки часто соприкасались с иностранцами, имели место случаи, когда в шторм отдельные наши сейнеры прибывало к японским берегам, а в 1930-х гг. были случаи захвата японцами советских гражданских судов. Спецслужбы Японии использовали эти обстоятельства для вербовки агентуры, получения разведывательной информации.

Например, в августе 1939 г. при переходе из Кореи были задержаны З. и К., которые сообщили, что во время шторма их сейнер был подобран японским пароходом и отбуксирован в корейский порт Расин. Из Кореи они бежали на паруснике. По возвращении остальных рыбаков через агентуру были получены данные о том, что З., находясь в Корее, некоторое время проживал в гостинице. В январе 1940 г. в ходе реализации разработки З. признался, что был завербован японцами в марте 1939 г., а «побег» его из Кореи на паруснике организован разведкой. Перед возвращением в СССР ему было дано задание устроиться работать на острове Путятин и собирать сведения разведывательного характера, а в случае войны проводить диверсионные акты — взрывать мосты, портить железнодорожное полотно. Для связи с ним был дан пароль.

Большое внимание органами ОГПУ — НКВД уделялось обеспечению безопасности на предприятиях, в учреждениях и организациях, имевших режимный характер или располагавших сведениями, составляющими государственную тайну. Так, например, для централизованного ведения шифровальной переписки всеми ведомствами, организациями и учреждениями в ДВК было организовано Дальневосточное краевое объединенное шифровальное бюро при Управлении НКВД⁹⁷.

Непосредственное значение для контрразведывательной работы на таких объектах имели приказы от 6 ноября 1939 г. «О порядке допуска к секретным работам на особо режимных

предприятиях», от 18 апреля 1941 г. «Об установлении паспортного режима на территории железнодорожных узлов оборонного и оборонно-хозяйственного значения» и другие, которые нацеливали органы безопасности на обеспечение сохранности государственной и военной тайны, изучение и проверку лиц, работавших на указанных объектах и в их окружении, также проявлявших необоснованный интерес к режимным объектам, характеру выпускавшейся продукции, вступавших в контакты с иностранцами.

Главным и основным направлением контроля над работой как секретных частей, так и в целом предприятий и учреждений являлись систематическое обследование и проверка состояния хранения секретных документов. Выявлялись случаи разглашения сведений, содержащих государственную и военную тайну, в открытой печати. В августе 1935 г. в Чите был издан телефонный справочник, в котором указывались все воинские части. И хотя справочник немедленно изъяли из свободной продажи, представители консульства Маньчжоу-Го успели приобрести несколько экземпляров⁹⁸.

В ходе разработки подозревавшихся в проведении подрывной деятельности сотрудников японских представительств, находившихся в СССР, оперативные работники органов безопасности уделяли основное внимание выявлению разведывательных устремлений японской разведки к оборонным, промышленным и иным объектам. Не менее важным являлось проникновение в резидентуры японской разведки, функционировавшие под прикрытием представительств своей страны, а также в японские спецслужбы с целью изучения форм и методов их работы.

В предвоенный период органам безопасности удавалось приобретать агентов и осведомителей в официальных японских представительствах, с помощью которых они получали важную информацию о разведывательных устремлениях японских спецслужб, изучали обстановку в представительствах, а также об отдельных японских гражданах. Так, завербовав ряд агентов из числа обслуживающего персонала и сотрудников японского посольства в Москве, органам безопасности удалось взять под контроль работу резидентуры японской разведки, действовавшей под прикрытием аппарата военного атташе.

Через осведомителя, завербованного в японском консульстве во Владивостоке, органы безопасности имели возможность изучать и анализировать деятельность консула, который занимался сбором разведывательной информации, в том числе и агентурными методами. Был проведен ряд выемок секретных документов, среди которых удалось получить план работы консульской разведки на год.

Для агентурной разработки сотрудников японского консульства в Хабаровске консулу был подставлен агент органов безопасности, который работал среди японцев, наезжавших в Хабаровск по коммерческим делам. Через одного такого предпринимателя и было организовано знакомство агента с консулом. Причем агент был рекомендован как надежный человек для выполнения любого рода поручений. Со временем он получил официальную должность в японском консульстве, что позволило органам безопасности вести эффективную разработку резидента японской разведки, действовавшего под прикрытием должности секретаря консульства.

В начале 1930-х гг. в ряде японских компаний в Дальневосточном крае органами безопасности были завербованы несколько осведомителей, через которых выявлены сотрудники, проводившие сбор разведывательной информации.

Агентурные мероприятия давали возможность получать информацию о планах японских спецслужб, выяснять их разведывательные устремления, выявлять сотрудников, занимавшихся проведением подрывной деятельности, агентов, получать информацию о способах осуществления агентурной разведки и связи с агентами, методах сбора информации разведывательного характера легальным путем, а также пресекать подрывные акции японских разведчиков и агентов.

В 1941 г. для проникновения в японскую военно-морскую разведку, работавшую в Приморье с позиций рыболовной фирмы «Ничиро», была проведена следующая операция. Агент Крымов, являвшийся одним из офицеров Разведывательного отдела штаба Тихоокеанского

флота, находился в течение года на Камчатке на арендованном японцами рыбоконсервном заводе, где подвергся тщательной обработке со стороны японского разведчика Хонды. Не успев завербовать агента до своего отъезда в Японию, Хонда дал Крымову рекомендательное письмо к другому разведчику, работнику фирмы «Ничиро» во Владивостоке Оцуке. Органами безопасности был предпринят ряд мер для установления связи Оцуки с Крымовым с помощью рекомендательного письма Хонды. Агента стали аккуратно подводить к Оцуке через окружение последнего. Делалось это постепенно, чтобы не вспугнуть японского разведчика. Были уже достигнуты первые успехи, но начало войны Японии против США на Тихом океане усилило осторожность японцев в общении с русскими, что не позволило осуществить намеченную комбинацию.

Только в апреле 1941 г. удалось создать ситуацию и познакомить Крымова с Оцукой на рыбных торгах во Владивостоке. Но Крымов в скором времени вновь уехал на Камчатку, что помешало развить и углубить это знакомство в интересах контрразведки. Однако разработка Оцуки была продолжена, он довольно часто посещал ресторан «Золотой Рог» и завязывал там знакомства. Органы безопасности использовали это обстоятельство через другого агента — Кольцова, чиновника управления «Дальрыбы», ведавшего рыбоконсервными заводами, сданными в аренду японцам. Агент стал посещать тот же ресторан, чтобы познакомиться с Оцукой и установить с ним связь. Следующим шагом намечалось через Кольцова подвести к Оцуке доверенное лицо из числа командного состава флота. Но и здесь возникли неожиданные трудности. Как раз в то время, когда Кольцов уже познакомился с Оцукой, из Токио во Владивосток вернулся японский вице-консул Нэи Сабуро, который привез с собой новые директивы МИДа и японской контрразведки. В соответствии с этими директивами все сотрудники консульства и компании «Ничиро» прекратили общение с советскими гражданами и посещение общественных мест.

Однако Оцука и его разведывательная деятельность под прикрытием представляли большой интерес для органов безопасности. В ходе постоянного наблюдения за ним выяснилось, что он иногда посещает книжный магазин, где подыскивает для себя редкие издания на русском языке. Органы безопасности вновь вышли на него через букиниста, располагавшего нужными изданиями.

Эта операция продолжалась не один год. Первые оперативно значимые результаты были получены только в начале 1944 г. За это время Оцука успел с помощью органов безопасности «завербовать» двух агентов из числа офицеров Тихоокеанского флота. Таким образом, советская контрразведка смогла выяснить конкретные устремления военно-морской разведки Японии, выявить практически всю агентурную сеть японского разведчика, провести ряд мероприятий по дезинформации противника, установить еще нескольких кадровых японских разведчиков, действовавших под прикрытием фирмы «Ничиро» и других компаний и занимавшихся сбором разведанных о Тихоокеанском флоте.

Операция завершилась в 1945 г., когда отделом контрразведки Смерш Северной Тихоокеанской военной флотилии агент японской разведки, бывший сотрудник фирмы «Ничиро» Оцука Токудзо был арестован. По его показаниям проходили 47 японцев, занимавшихся разведкой на японских концессиях на Камчатке. На основании данных Оцуки были задержаны три японских агента. Прекрасно знавший русский язык Оцука был долгое время начальником отдела кадров рыбоконсервного завода. С 1928 г. он работал в фирме «Ничиро» на Камчатке, где в течение 16 лет вел разведывательную деятельность по следующим направлениям: сбор характеризующих данных на русских работников концессий, представителей советской администрации; сбор данных о дислокации, количестве постов, вооружении и численности погранзащиты; сбор характеризующих данных на руководящих работников НКВД, погранвойск, изучение личных и деловых качеств этих лиц, их слабых и сильных сторон⁹⁹.

Японские разведчики и агенты, находившиеся на советской территории, активно устанавливали контакты с жителями СССР различной национальности, одаривая подарками, ссужая деньгами, втягивая в противоправные коммерческие сделки с целью последующего шантажа и вербовки. Практиковались приглашения в рестораны, на банкеты в консульства, в

театр и кино. Большинство сотрудников японских представительств нанимали себе учителей русского языка, к которым ходили в гости, навещали вместе их знакомых, расширяя таким образом круг общения для выведывания информации.

В повседневной контрразведывательной работе органы безопасности серьезное внимание уделяли изучению форм и методов подрывной деятельности японских спецслужб на территории СССР с позиций официальных представительств. Знание противника способствовало успешному пресечению его подрывной деятельности, проведению удачных комбинаций по использованию своей агентуры в разработках, выявлению иностранной агентуры из числа советских жителей и обезвреживанию ее деятельности.

Комплексное применение сотрудниками органов безопасности оперативных средств давало положительные результаты в разработке японских спецслужб и заставляло последние изыскивать новые формы подрывной работы, опробование которых и принятие на вооружение требовало значительных материальных и временных затрат. Выявленные новые тактические приемы, формы и методы подрывной деятельности японских спецслужб учитывались контрразведчиками при планировании и проведении оперативных мероприятий и способствовали направлению их усилий в выгодном для органов безопасности русле, контролю над их действиями.

При этом большую помощь наряду с агентурой оказывала служба наружной разведки. При разработке разведчиков и агентов из числа сотрудников японских представительств наружная разведка выявляла их контакты с советскими жителями, брала под наблюдение по возможности всех посетителей японских представительств, которые в последующем находились в разработке. Например, в апреле 1939 г. наружная разведка зафиксировала встречу в магазине советского гражданина, работавшего начальником радиостанции, с сотрудником японского консульства в г. Александровске, который передал гражданину бумажный сверток. В последующем было установлено, что гражданин получил 25 тыс. рублей, а через месяц спешно выехал на материк.

В ходе разработки «Дипломаты» были получены данные, что в ночное время квартиру японского разведчика Мадзимы посещают двое советских граждан. Оба они были задержаны при выходе из квартиры сотрудниками наружной разведки. При личном досмотре у них были обнаружены выданные Мадзимой крупные суммы наличных в советских денежных знаках и адрес известного органам безопасности резидента японской разведки.

Практиковался и такой способ ведения наружной разведки за сотрудниками и посетителями японских представительств, как выставление у японских консульств круглосуточных постов милиции, наличие которых препятствовало посещению консульств в ночное время. В 1934 г. с санкции заместителя председателя ОГПУ Г. Г. Ягоды количество милицейских постов у японских консульств было удвоено, а сотрудники милиции подверглись проверке и тщательному отбору. В 1930-х гг. по периметру здания генерального консульства Японии во Владивостоке постоянно дежурили бригады наружного наблюдения¹⁰⁰.

Однако необходимо отметить, что в начале 1930-х гг. наружная разведка была малочисленна по своему составу, сотрудники не имели достаточного опыта, а требование брать под наблюдение всех контактировавших с сотрудниками японских представительств лиц приводило к распылению сил. В этой связи служба наружного наблюдения не всегда добивалась весомых положительных результатов. Так, при разработке сотрудника японского консульства в Благовещенске он дважды выходил из консульства переодетым в нищего китайца, не опознавался разведкой и уходил незамеченным.

Как отмечалось выше, важным направлением деятельности органов безопасности в предвоенный период было выявление и разоблачение агентуры японских спецслужб из числа советских жителей. На основе изученных материалов оперативной практики 1930-х гг. можно сделать вывод о том, что в поисках подходящих для вербовки лиц спецслужбы Японии, как правило, ориентировались на представителей бывших, так называемых эксплуататорских классов, лиц негативно настроенных по отношению к советской власти, чем-либо скомпрометировавших себя перед новым режимом и т. п. С учетом этого усилия контрразведчиков

направлялись на выявление агентов японских спецслужб из числа жителей СССР на этапе их изучения и вербовки иностранными разведчиками или представления последним информации отдельными гражданами по собственной инициативе.

Так, в апреле 1940 г. от агентуры поступили данные о том, что сотрудник «Крайгосстраха» провел несколько конспиративных встреч с одним из представителей японской страховой комиссии, находившейся в то время в г. Владивостоке. В ходе дальнейшей проверки было установлено, что гражданин был выходцем из зажиточной семьи, работая в системе «Экспортлеса», в 1930–1934 гг. привлекался к уголовной ответственности за хищения сроком на три года. В 1925 и 1938 гг. по роду службы на советских судах посещал порты Японии и Китая. Проверкой его ближайших связей были вскрыты подозрительные моменты в их поведении, например, контакты с секретарем японского консульства в г. Владивостоке Токурой. Инспектор «Крайгосстраха» скрывал от окружения свои встречи с капитанами японских судов, а оба его брата разрабатывались органами безопасности как бывшие сотрудники контрразведки Деникина. Арестованный в январе 1941 г. УНКВД по Новосибирской области японский агент в ходе следствия показал, что он рекомендовал японскому резиденту Гилю завербовать указанного сотрудника «Крайгосстраха» в связи с тем, что последний является антисоветски настроенной и морально неустойчивой личностью. Собранные материалы позволили в дальнейшем начать разработку, в ходе которой было установлено, что объекты предоставляли японской разведке ценную информацию по импортным грузам, проходившим через Владивостокский порт, используя свое служебное положение, вступали в преступные сделки с японскими моряками.

Большое внимание органами безопасности уделялось выявлению лиц, которые поддерживали подозрительные контакты с японцами, сотрудниками представительств Японии в СССР, выяснению характера этих контактов и разработке лиц, подозреваемых в причастности к японским спецслужбам, в целях выявления и пресечения их подрывной деятельности. Однако, как представляется, в 1930-х гг. основная масса агентуры японских спецслужб выявлялась в период выполнения заданий иностранных разведок по сбору разведывательной информации, а также проведению иной подрывной деятельности. Так, в мае 1934 г. от агента ОО ПП ОГПУ ДВК поступила информация о том, что 1 мая во время праздничного парада, когда по центральной площади г. Хабаровска проходила колонна военной техники, русская жена китайского сапожника производила подсчет ее количества, делая записи на листе бумаги. В тот же день вечером было зафиксировано, что она посетила японское консульство. В ходе последующей разработки была установлена причастность китайца к агентуре японского консульства в Хабаровске.

Широко применялось проникновение агентов органов безопасности в агентурные сети японских спецслужб, что давало возможность выявлять японских агентов, собирать информацию о формах и методах агентурной деятельности японской разведки, продвигать дезинформацию в японские разведывательные центры и даже парализовать деятельность японских спецслужб по проведению разведывательной и иной подрывной деятельности на советской территории. Так, в конце 1930-х гг. в разработку секретаря японского консульства в г. Александровске органам безопасности удалось ввести нескольких агентов. Это давало возможность быть в курсе отдельных разведывательных устремлений и намерений японских спецслужб. Например, одному агенту органов безопасности секретарь дал задание создать в Александровске повстанческую группу и для ее нужд выдал 7 тыс. рублей.

Организуя контрразведывательное обслуживание иностранных компаний и концессионных предприятий, сотрудники органов безопасности устанавливали японцев, которые занимались изучением советских жителей с целью их вербовки. Они выясняли, кто из жителей СССР часто либо конспиративно посещал иностранные учреждения или их жилые квартиры, проявлял стремление устанавливать связи с военнотружущими и т. д. Одновременно с этим серьезное значение придавалось изучению японцев, которые по роду службы постоянно общались с советскими гражданами. Такие японцы изучались на предмет привлечения их к сотрудничеству. Например, один из агентов, японец, был завербован с использованием

имевшихся на него материалов негативного характера. Он, работая в администрации концессии, постоянно обесчечивал рабочих. Это обстоятельство послужило основанием для его изучения, сбора компрометирующих материалов и формирования условий для вербовки.

Из оперативных данных и показаний разоблаченной агентуры контрразведчикам было известно, что японская разведка на территории СССР предпринимала меры к вербовке советских граждан из числа лиц, которые по занимаемому служебному положению сами или же их родственники могли иметь отношение к интересующей разведку информации, вербовала или использовала втемную женщин с целью получения через них информации, представляющей разведывательный интерес. Весьма активно приобретая агентуру среди женщин, японские разведчики также использовали их для изучения и подбора агентуры среди их родственников и знакомых, устройства у них явочных квартир или использования этих родственников и знакомых для получения от них информации втемную. Завербованным агентам японские спецслужбы предлагали принимать активное участие в общественной жизни их трудовых коллективов, больше общаться с людьми и максимально расширять свой круг общения.

Так, в ходе ряда разработок было установлено, что проходящие по ним лица по своему служебному положению имели отношение к сведениям, составляющим государственную тайну, конспиративно встречались с работниками японского консульства и компании «Ничиро».

Наружное наблюдение выявило, что секретарь японского консульства во Владивостоке Такада неоднократно встречался в городе с двумя женщинами. В ходе их разработки было установлено, что муж одной из них работал старшим инженером на оборонном объекте в Совгавани, дружественные связи этих женщин выходили на ряд ответственных сотрудников, связанных с вопросами получения и транспортировки оборонной техники.

Большую помощь в контрразведывательной работе по японским представительствам оказала служба перлюстрации корреспонденции. Перлюстрация переписки японских представительств позволяла выявлять отдельные устремления японских спецслужб и собранные ими путем визуального наблюдения материалы. Переписка японских граждан, проходившая по каналу почтово-телеграфной связи, также бралась под контроль. Это способствовало установлению лиц, лояльно настроенных к советской власти, изучению обстановки среди японских граждан, их связей с советскими людьми. Почтовый канал помогал выявлять лиц, поддерживающих переписку со своими зарубежными связями, что в последующем использовалось с целью приобретения корреспондента в качестве агента или осведомителя.

В предвоенный период органам безопасности удалось реализовать ряд разведывательных и контрразведывательных операций, в результате которых была перлюстрирована переписка японских посольств и отдельных консульств с МИД Японии. Так, было установлено, что японский МИД доставлял свою диппочту, упакованную в вализы, во Владивосток, где они отправлялись японскими курьерами с почтовым поездом без сопровождения, а в Москве прямо из почтового вагона диппочту принимали сотрудники японского посольства. Для ознакомления с японскими вализами было решено организовать прямо в почтовом вагоне поезда Владивосток — Москва, который находился в пути до восьми суток, лабораторию Спецотдела ГУГБ НКВД. В лаборатории планировалось вскрывать вализы, фотографировать их содержание и вновь запечатывать, не оставляя следов вскрытия.

Как только японские курьеры во Владивостоке (или японские дипломаты в Москве) сдавали под расписку свои вализы почтовому служащему вагона, они немедленно попадали к сотрудникам Спецотдела. Прежде всего они фотографировали со всех сторон на цветную пленку внешний вид, характер упаковки, печати, пломбы и всё, что можно было заметить на поверхности вализ, все их особенности и характерные детали. Пленки тут же проявлялись. Затем тщательно исследовались под лупой печати, узлы, запоры, после чего начинался процесс вскрытия внешних упаковок вализ, мешков — в зависимости от характера почты. Если вализ было немного, бригада успевала к моменту отправления поезда провести всю подготовительную работу к их вскрытию, но к самому вскрытию она могла приступить, только когда поезд уже трогался, на случай возможного обращения японцев с просьбой о возвращении диппочты, что, в принципе, не исключалось и даже однажды имело место.

Самое сложное начиналось при вскрытии внутренних упаковок с подкладкой из рисовой бумаги. К этой процедуре уже были заранее подготовлены новые пакеты, сравнение внешнего вида которых с пакетами диппочты проводилось также под лупой, а отдельных их участков — даже под специальным микроскопом, если появлялось подозрение о наличии каких-то меток или особенностей, трудноразличимых без микроскопа. При удачном стечении обстоятельств к середине пути специалисты успевали добраться до содержимого почты, сфотографировать ее и начать обратный процесс закрытия пакетов. Это обратное действие наиболее ответственно, так как малейшее упущение, по-иному сложенные листы, царапина или помятости могли дать японцам повод к подозрениям. К моменту запечатывания пакетов и вализы специально выделенный специалист уже имел сравнительные характеристики клеев, сургуча, чернил, которыми были сделаны надписи на пакетах. Если пакеты заменялись на новые, то специалист по почеркам делал абсолютно идентичные надписи на новых упаковках¹⁰¹.

Существенных успехов удалось добиться в предвоенный период и радиоконтрразведывательной службе органов НКВД. Так, устойчиво перехватывалась и дешифровывалась телеграфная переписка отдельных дипломатических и консульских представительств Японии в СССР и ряде других иностранных государств¹⁰². В контрразведывательной деятельности органов безопасности применялись также и другие оперативно-технические средства.

На основе анализа архивных документов можно констатировать, что основным способом пресечения подрывной деятельности японских разведчиков и агентов из числа сотрудников официальных представительств в начале 1920-х гг. было привлечение их к уголовной ответственности и последующее выдворение за пределы СССР.

Документированию подрывной деятельности японских разведчиков не всегда уделялось должное внимание, основной упор делался на их собственные признания, а также свидетельские показания агентов японской разведки и агентов органов безопасности, участвовавших в агентурных разработках. Во второй половине 1920-х гг. в связи с проведением СССР активной внешней политики, негативной реакцией на эти процессы иностранных держав и, как следствие, обострением международной военно-политической обстановки ОГПУ издало целый ряд приказов и циркулярных распоряжений, которые предписывали во избежание дипломатических конфликтов с иностранными державами проводить разработку иностранных граждан с особой тщательностью и осторожностью.

Таким образом, в конце 1920-х — начале 1930-х гг. в ходе пресечения деятельности иностранных разведчиков основная ставка делалась на ликвидацию связей иностранных представителей из числа жителей СССР путем ареста этих лиц и последующего осуждения либо высылки.

В конце 1930-х гг. был найден «лучший» способ пресечения разведывательной работы иностранных государств с легальных позиций. 28 октября 1937 г. с санкции Политбюро ЦК ВКП(б) был издан оперативный приказ № 00698. Исходя из установки, что все посольства и консульства являются базами иностранных разведок, сотрудникам КРО предлагалось «немедленно арестовывать всех советских граждан, связанных с личным составом диппредставительств и посещающих их служебные и домашние помещения». Режим работы рекомендовался такой, чтобы обеспечить «бесперывное наблюдение» за всеми сотрудниками посольств Германии, Японии, Италии, Польши. Практически в приказе ставилась задача полной изоляции представительств указанных стран¹⁰³.

Такое тотальное преследование всех лиц, имевших какие-либо контакты с иностранцами, практически исключало возможности для иностранных разведок добывать информацию об экономическом и оборонном потенциале СССР. В это время произошел переход от контрразведывательных мероприятий по выявлению разведчиков и их агентуры к массовым операциям, направленным на изоляцию инопредставительств и одновременно против советских граждан иностранного происхождения (немцев, поляков, корейцев, китайцев и других)¹⁰⁴. Реализация указанных установок привела к тому, что нарушения законности в деятельности органов безопасности стали приобретать систематический характер.

Подводя итог, можно отметить, что в предвоенный период органы безопасности выполнили важнейшую задачу по пресечению разведывательной деятельности японских спецслужб. Используя разнообразные методы, оперативные работники выявляли сотрудников разведывательных органов в официальных представительствах Японии в СССР. Немногочисленность консульских и иных японских представительств в предвоенные годы стала существенным фактором, влиявшим на эффективность их разработки. В ходе отдельных разработок контрразведчикам удавалось проникать в разведывательные центры Японии и Маньчжоу-Го. Однако жесткий контроль над иностранцами не означал, что удавалось полностью пресечь разведывательную деятельность японских спецслужб.

Важной особенностью контрразведывательной деятельности во второй половине 1930-х гг. явились систематические нарушения прав советских граждан, связанные с преследованием всех лиц, имевших контакты с японскими представителями, при отсутствии в большинстве случаев доказательств их виновности.

До середины 1930-х гг. продолжалось легендирование антисоветских организаций, с позиций которых проводились оперативные игры. К числу наиболее крупных из них можно отнести легендированные разработки «Маки — Мираж», «Мечтатели», «Организаторы» и ряд других. Легендирование антисоветских организаций позволяло органам безопасности выяснять разведустремления японских спецслужб, контролировать каналы проникновения в СССР, выявлять и разоблачать японскую агентуру.

Органам безопасности удалось также получить сведения о руководителях и сотрудниках японских военных миссий, их отделений и резидентур, об отдельных разведывательных пунктах, переправах, преподавателях и инструкторах разведывательных курсов, а также лицах, занимавшихся переброской японских разведчиков и агентуры, о планах и персональном составе белогвардейских эмигрантских организаций, об их связях с японскими спецслужбами.

В основном органам безопасности, используя весь имевшийся арсенал оперативных сил и средств, удавалось решать задачу по выявлению и пресечению разведывательной и иной подрывной деятельности японских спецслужб против СССР в предвоенный период.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Сталин И. В.* Сочинения в 13 т. М., 1952. Т. 13. С. 211.
- ² XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) 26 января — 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934. С. 28.
- ³ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) 10—21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 4, 241.
- ⁴ Центральный архив ФСБ России (далее — ЦА ФСБ России). Ф. 3. Оп. 5. Д. 13. Л. 2.
- ⁵ *Хлевнюк О. В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 339.
- ⁶ Лубянка. Из истории отечественной контрразведки. М., 2007. С. 227.
- ⁷ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 6. Л. 136—140.
- ⁸ Центральный архив общественных движений г. Москвы. Ф. 3352. Оп. 3. Д. 268. Л. 155.
- ⁹ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 6. Д. 638. Л. 414.
- ¹⁰ Там же. Оп. 5. Д. 883. Л. 100—103.
- ¹¹ Государственная безопасность России: история и современность. М., 2004. С. 530.
- ¹² ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 7. Д. 8. Л. 314.
- ¹³ К 70-летию начала Второй мировой войны. Исследования, документы, комментарии / Колл. авт.; отв. ред. А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров. М., 2009. С. 323—324.
- ¹⁴ Зимняя война 1939—1940 гг. в документах НКВД: по материалам Архива УФСБ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. / Авт.-сост. С. К. Бернев, А. И. Рупасов. СПб., 2010. С. 143.
- ¹⁵ К 70-летию начала Второй мировой войны. С. 307—308.
- ¹⁶ Государственная безопасность России: история и современность. С. 533.
- ¹⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 5. Л. 29.
- ¹⁸ Profile bedeutender Soldaten. Bd. 1. General Ernst Kostring. Der militärische Mittler zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion 1921—1941. Fr. am Main. 1965. S. 91.
- ¹⁹ Лубянка. Сталин и ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936 г. / Сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2003.
- ²⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 4. Д. 9. Л. 132.
- ²¹ *Плотникова Н. С.* 1937 год: несостоявшийся январский процесс // Политическая история России: прошлое и современность. Исторические чтения: Гороховая-2. Вып. VII. 2009. С. 173—176.
- ²² АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 253. Л. 141.
- ²³ Там же. Д. 254. Л. 92—93.
- ²⁴ Государственная безопасность России: история и современность. С. 520.
- ²⁵ Вместе с флотом. Советская морская контрразведка в Великой Отечественной войне. Исторические очерки и архивные документы / В. С. Христофоров, А. П. Черепков, Д. Ю. Хохлов. М., 2010. С. 114—118.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Лубянка. Из истории отечественной контрразведки. С. 224.
- ²⁸ *Надтачаев В. Н.* Военная контрразведка Беларуси: Судьбы, трагедии, победы... Минск, 2008. С. 136—137.
- ²⁹ *Сечкин Г. П.* Граница и война: Пограничные войска в Великой Отечественной войне советского народа 1941—1945 гг. М., 1993. С. 59—61.
- ³⁰ ЦА ФСБ России. АСД. Р-23634. Т. 1. Л. 195.
- ³¹ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924—1953). М., 2008. С. 270—271.

³² Мельтюхов М. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу. 1939–1941. М., 2002. С. 88.

³³ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. док. М., 1995. Т. 1. Кн. 1. С. 73.

³⁴ Радянські органи державної безпеки у 1939 — червні 1941 р. Документи ГДА СБ України. Київ, 2009. С. 46–49. Директива НКВД СССР ранее была опубликована в сборнике документов «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войны» (Т. 1. Кн. 1. С. 79–81). Однако в указанной публикации упущен ряд важных пунктов.

³⁵ Пограничный разведывательный пункт.

³⁶ Радянські органи державної безпеки у 1939 — червні 1941 р. С. 268.

³⁷ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 1. С. 96.

³⁸ Радянські органи державної безпеки у 1939 — червні 1941 р. С. 200.

³⁹ Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. В 2-х т. Варшава, Москва, 2001. Т. 1. С. 758.

⁴⁰ Радянські органи державної безпеки у 1939 — червні 1941 р. С. 245.

⁴¹ Там же. С. 247.

⁴² Там же. С. 251.

⁴³ Там же. С. 50.

⁴⁴ Управление по военнопленным в июле 1940 г. было переименовано в Управление по делам военнопленных и интернированных (УПВИ).

⁴⁵ Катынь. Пленники необъявленной войны. М., 1997. С. 20.

⁴⁶ На земле Беларуси. Канун и начало войны. Минск, 2006. С. 45.

⁴⁷ Радянські органи державної безпеки у 1939 — червні 1941 р. С. 84.

⁴⁸ Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. Т. 1. С. 70–72.

⁴⁹ Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы / Под ред. Р. Г. Пихои, А. Гейштора; сост. Н. С. Лебедева и др. М., 1999. С. 30.

⁵⁰ На земле Беларуси. С. 48.

⁵¹ Катынь. Пленники необъявленной войны. С. 384.

⁵² Польская организация войскова (ПОВ) была создана Ю. Пилсудским в 1914 г. для проведения разведывательной, диверсионной и террористической работы, а также подготовки военных кадров для будущей польской армии.

⁵³ Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. Т. 2. С. 936.

⁵⁴ Там же. С. 1040.

⁵⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 246. Л. 5.

⁵⁶ Там же. Л. 6.

⁵⁷ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 1. С. 172.

⁵⁸ Пеплоньский А. и др. Сотрудничество в области разведки во второй половине 1930-х годов // Intelligence cooperation between Poland and Great Britain during World War II. London, 2005. P. 174–175.

⁵⁹ Ibid. P. 181.

⁶⁰ Ibid. P. 185.

⁶¹ Ibid. P. 307.

⁶² ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 246. Л. 13.

⁶³ Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии 1939–1941 гг. Т. 2. С. 896.

⁶⁴ Пеплоньский А. Советский Союз // Intelligence cooperation between Poland and Great Britain. P. 282.

⁶⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 246. Л. 19.

⁶⁶ Там же. Л. 25.

⁶⁷ Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии 1939–1941 гг. Т. 2. С. 1026.

⁶⁸ ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 246. Л. 27.

- ⁶⁹ Там же. Л. 28.
- ⁷⁰ Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы. В 2-х т. / Под ред. А. Н. Артизова. М., 2012. Т. 1: 1939–1943. С. 311–312.
- ⁷¹ Депортации польских граждан из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1940 г. Варшава — Москва, 2003. С. 684.
- ⁷² Сталинские депортации. 1928–1953 / Под общей ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. Н. Л. Поболь, М. П. Полян. М., 2005. С. 223.
- ⁷³ *Гайдук Н.* Боевые действия у озера Хасан // Военно-исторический журнал. 1978. № 7. С. 120.
- ⁷⁴ *Терещенко В. В.* На охране рубежей Отечества. М., 2008. С. 201.
- ⁷⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 1. С. 36–37.
- ⁷⁶ *Полутов А.* По обе стороны границы. Контрразведка флота против японской разведки // Честь и верность. 70 лет военной контрразведке Тихоокеанского флота / Сост. А. В. Полутов. Владивосток, 2002. С. 146.
- ⁷⁷ *Шинин О. В.* Против иностранных спецслужб // Пограничник. 2007. № 12. С. 25.
- ⁷⁸ *Хаустов В. Н.* Межвоенные годы в контексте обеспечения государственной безопасности // Государственная безопасность России: история и современность. М, 2004. С. 523.
- ⁷⁹ *Полутов А.* Указ. соч. С. 148.
- ⁸⁰ *Хаустов В. Н.* Указ. соч. С. 522–523.
- ⁸¹ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 1. С. 40–41, 46.
- ⁸² *Шинин О. В.* Охрана границы в Дальневосточном регионе в 1923–1940 гг. // Вестник границы России. 2008. № 1. С. 70.
- ⁸³ Граница. Документально-художественное повествование о дальневосточной границе. Хабаровск, 1976. С. 243.
- ⁸⁴ *Проскурина Л. И.* Репрессии в дальневосточной деревне в конце 1920-х — первой половине 1930-х гг. // Политические репрессии на Дальнем Востоке (1920–1950-е): материалы первой Дальневосточной научно-практической конференции. Владивосток, 1997. С. 127.
- ⁸⁵ См.: Лубянка. Сталин и Главное управление безопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938 / Под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2004. С. 325–326.
- ⁸⁶ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. В 2-х ч. / Под. ред. Г. Ф. Весновской. Курск, 1999. Ч. 1. С. 241–244.
- ⁸⁷ Лубянка. Сталин и Главное управление безопасности НКВД. С. 351–352.
- ⁸⁸ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 240–241.
- ⁸⁹ Лубянка. Сталин и Главное управление безопасности НКВД. С. 651.
- ⁹⁰ *Шинин О. В.* Против иностранных спецслужб // Пограничник. 2007. № 12. С. 26; подробнее см.: *Николаев Л.* «Маки — Мираж». Хабаровск, 2000.
- ⁹¹ *Горбунов Е. А.* Схватка с Черным драконом. Тайная война на Дальнем Востоке. М., 2002. С. 173–210.
- ⁹² *Хаустов В. Н.* Указ. соч. С. 522.
- ⁹³ *Шинин О. В.* Против иностранных спецслужб // Пограничник. 2007. № 12. С. 26.
- ⁹⁴ *Полутов А.* Указ. соч. С. 147.
- ⁹⁵ *Хаустов В. Н.* Указ. соч. С. 524.
- ⁹⁶ *Полутов А.* Указ. соч. С. 148.
- ⁹⁷ Государственный архив Хабаровского края. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 342. Л. 17.
- ⁹⁸ *Хаустов В. Н.* Указ. соч. С. 539.
- ⁹⁹ *Полутов А.* Указ. соч. С. 151–152.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 155.
- ¹⁰¹ *Павлов В. Г.* ТФП: тайное физическое проникновение на иностранные объекты: Внедрение, подставы, перевербовка. М., 2010. С. 33–35.
- ¹⁰² *Дамаскин И. А.* Сталин и разведка. М., 2004. С. 137–155; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 1. С. 63–65, 171, 217, 254, 268, 280.
- ¹⁰³ Лубянка. Сталин и Главное управление безопасности НКВД. С. 650.
- ¹⁰⁴ *Хаустов В. Н.* Указ. соч. С. 519.